РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

660034

1876

АВГУСТЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ДОЛИНА РѢКИ ИЛИ. А. И. Вилькинса.
II. ИЗБУШКА НА КУРЬИХЪ НОЖКАХЪ. Разказъ. Окончаніе. Графа Е. А. Саліаса.
III. ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ЛОРДА МАКОЛЕЯ. Окончаніе. Р.
IV. СТО ЛѢТЪ НАЗАДЪ. Гл. I—III. V. W.
V. НА БЕРЕГУ СРЕДИЗЕМНАГО МОРЯ. Повѣсть. Н. Андреева.
VI. ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ВОСТОКУ И СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ ВЪ СВИТѢ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА ВЪ 1872 ГОДУ. Гл. VI—VIII. Д. А. Скалона.
VII. ЖИЗНЬ РАСТЕНІЯ. Гл. III. К. А. Тимирязева.
VIII. НА ГОРАХЪ. Разказъ. Гл. XIII—XVIII. Андрея Печерскаго.
IX. ИСПОВѢДЬ СЛАВЯНИНА — МАДЬЯРУ. Отрывокъ изъ сборника *Славянскіе Отголоски*. Стихотвореніе. Л. Н. Трефолева.
X. ДВѢ СУДЬБЫ. Романъ Уилки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. XXX—XXXIV.
XI. ДВУХМѢСЯЧНОЕ ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ ВЪ СМУТНОЕ ВРЕМЯ СЪ 3 МАЯ ПО 3 ІЮЛЯ. Русскаго Туриста.
XII. СУДЬИ ПОЭТА. И. Н. Павлова.
XIII. ПО ПОВОДУ СТАТЬИ Г. НЕКЛЮДОВА О ВОСТОЧНОМЪ ВОПРОСѢ. Д. В. Аверкіева.
XIV. СОВРЕМЕННЫЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. В. С. Неклюдова.

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

КАКЪ МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМЪ. Романъ Антони Трефлопа. Переводъ съ англійскаго. Часть третья. XIII—XIV.

Digitized by Google

333
Русск. Императ. III-124

ДОЛИНА РѢКИ ИЛИ

I.

Отъ города Вѣрнаго до города Суй-Дуна.—Разрушенные города.—Дикій шелкопрядъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1875 года я былъ командированъ въ Кульджинскій районъ, для изслѣдованія одного насѣкомаго, открытіе котораго вызвало небольшую полемику, такъ какъ дѣло шло о весьма интересномъ случаѣ, именно о встрѣчѣ съ дикимъ, некультивированнымъ шелковичнымъ червемъ. Результаты моего изслѣдованія изложены мною въ спеціальномъ отчетѣ; въ короткихъ словахъ я упомяну о нихъ и въ настоящемъ очеркѣ, цѣль котораго заключается въ сообщеніи тѣхъ немногихъ свѣдѣній о мало извѣстной долинѣ рѣки Или какія могъ собрать путешественникъ въ своихъ бѣглыхъ замѣткахъ. Въ Кульджинскомъ районѣ я встрѣтилъ особый міръ, во многомъ отличающійся отъ нашего Туркестана и по природѣ, и по бытовой сторонѣ туземныхъ племенъ. Разказъ свой я начну со времени выѣзда моего изъ города Вѣрнаго дальше на востокъ, думая что повѣствованіе о длинномъ и утомительномъ пути отъ Ташкента черезъ окрайныя степныя пространства было бы

334

скучно для читателей, отчасти знакомыхъ уже съ этими мѣстностями изъ большаго числа статей появившихся въ послѣднее время о Туркестанскомъ краѣ. Замѣтки мои будутъ касаться Кульджинскаго района, слѣдовательно только верхней части Илійской долины.

Оставивъ за собой красивый кряжъ Алматинскихъ горъ съ его ущельями и снѣжными пиками, я выѣхалъ въ ровную степь, зеленѣвшую весеннею травой и всю пеструю отъ распускавшихся цвѣтовъ. Весна — лучшее время для путешествій по нашимъ безконечнымъ степямъ; земля влажна, нѣтъ еще той невыносимой пыли, которая цѣлыми облаками покрываетъ и душитъ въ лѣтніе мѣсяцы; глазъ постоянно отдыхаетъ на цѣломъ морѣ самыхъ причудливыхъ тоновъ, играющихъ по всему пути, проѣзжайте вы десятки или сотни верстъ. Картина цвѣтущей степи не похожа на видъ нашихъ луговъ, на которыхъ среди сочной зеленой травы пестрѣютъ разноцвѣтныя головки цвѣтовъ. Нѣтъ, здѣсь представляется иное. Цвѣты выростаютъ въ степяхъ такими массами и сидятъ такъ близко одинъ отъ другаго что получаются сплошныя, часто очень большія пятна самой яркой окраски; предъ вами тянется полоса пунцоваго мака и тутъ уже нельзя различить ни единаго зеленаго листочка, все красно такъ что глаза рѣжетъ; дальше примѣшиваются понемногу желтыя точки какихъ - нибудь крестоцвѣтныхъ, вотъ они уже составляютъ преобладающій колоритъ, а пунцовые маки разрознились. Въ другомъ мѣстѣ рѣзко очертилось бѣлое пятно съ проблесками оранжевыхъ тюльпановъ; а тамъ тянется огромное поле окрашенное въ прелестный фіолетовый цвѣтъ и по немъ мѣстами разсыпаны желтыя искорки; мелкая степная поросль, обыкновенно сѣро-голубоватаго тона, составляетъ только фонъ, по которому вытканъ блестящій, причудливый коверъ, и надъ нимъ то здѣсь то тамъ вздымаются стройные стебли злаковъ и цвѣтныхъ початковъ. Такая степь и теперь окружала меня; впереди темнѣла гряда камышей, обозначающихъ теченіе рѣки; по мѣрѣ приближенія къ ней все бѣднѣе и бѣднѣе становилась цвѣтовая поросль, показался бѣлый рѣчной песокъ; немного дальше, и солнце отразилось уже въ самой Или. Въ песчаныхъ, отчасти поросшихъ камышомъ, почти плоскихъ берегахъ протекаетъ эта рѣка; паромная переправа чрезъ нее устроена у казачей станицы

Илійской. Въ камышевыхъ порослях казаки охотятся за кабанами, часто встрѣчаютъ тамъ и тигровъ. Глубокій лесокъ встрѣтилъ меня и на берегу Или; во влажныхъ впадинахъ и оврагахъ разстилались ярко-зеленыя заросли *чингиля* * и стройные кусты *чія.* ** Изъ леска торчали группы какихъ-то черныхъ предметовъ, имѣвшихъ видъ гигантскихъ сморчовъ; издали я и принялъ ихъ за грибы. Это интересное растеніе, представляющее собою неизвѣстный мнѣ видъ рода Orobanche, я встрѣчалъ въ первый разъ; растетъ оно изъ большой глубины, подымая надъ поверхностью земли только толстый цвѣтовой початокъ, безъ всякаго признака листьевъ; темнокрасные цвѣты покрывающіе его такъ мелки что придаютъ ему бархатистую поверхность. Это растеніе обладаетъ сильнымъ, отвратительнымъ запахомъ; Киргизы употребляютъ отваръ его какъ специфическое средство противъ сапа у лошадей; насколько успѣшно, сказать не могу. Для естествоиспытателя это прибрежье вообще интересно, по множеству представителей очень характерныхъ степныхъ типовъ какъ растительнаго, такъ и животнаго міра; кругомъ копошились сотни большихъ, черныхъ жуковъ — Homalocopris tmolus, составляющихъ рѣдкость въ европейскихъ коллекціяхъ; они массами истребляются цѣлыми тучами щурокъ (Merops apiasta), носящихся въ этомъ мѣстѣ на своихъ треугольныхъ крылышкахъ. Въ крупныхъ ящерицахъ и черепахахъ здѣсь также нѣтъ недостатка.

Степь разстилавшаяся впереди ограничивалась туманными очертаніями массивнаго горнаго поднятія въ которомъ находится *Алтынъ-Эмельскій* *** перевалъ, куда и направлялся мой путь. Преддверіемъ этимъ горамъ служатъ Карачакинскія высоты, у подошвы коихъ расположена почтовая станція Чингильды, имя имѣющее очевидное отношеніе къ огромнымъ зарослямъ *чингиля*, изобилующаго въ данномъ участкѣ степи. *Чингиль* и сопутствующія ему отчасти солонцовыя травы представляютъ роскошныя пастбища для скота. Здѣсь безпрестанно встрѣчались стада и оригинальная картина киргизскихъ пастуховъ, разъѣзжающихъ верхомъ на засѣдланныхъ волахъ. Станція Чингильды интересна

---

* Растеніе изъ рода Astragaleos.

** Lasiagrostis splendens.

*** *Алтынъ*—золото, *эмель*—проходъ, перевалъ.

336

своимъ колодцемъ. Въ баракѣ выстроенномъ надъ родникомъ я увидѣлъ отверстіе неправильной формы, наполненное совершенно прозрачною водой; вершкахъ въ пяти отъ поверхности ея виднѣлось дно изъ мелкаго ила; въ тонкомъ слоѣ воды покрывавшемъ его плавала мелкая рыбешка. Станціонный староста казакъ объявилъ мнѣ что дна у этого колодца нѣтъ; сколько, говоритъ, ни спускали веревки, не достали до дна. Усомнился я, видя илистую поверхность такъ близко, но опущенная палка погрузилась безъ малѣйшаго затрудненія; въ образовавшемся отверстіи виднѣлась вода.

Карачакинскія высоты еще не одѣлись цвѣтами и смотрѣли довольно уныло; только *кеклики* (горныя куропатки), необходимые спутники горъ Туркестана, да четыре волка, вылугнутые изъ какого-то оврага бряцаніемъ почтоваго колокольчика, встрѣтились по дорогѣ. Яснѣе вырѣзался впереди Алтынъ-Эмель. Подъемъ на него съ этой стороны мало замѣтенъ, но за то тѣмъ чувствительнѣе для путника спускъ съ этихъ голыхъ каменистыхъ высотъ, гдѣ постоянный, рѣзкій вѣтеръ вызываетъ слезы на глазахъ. Съ высоты перевала, за небольшимъ однообразнымъ клочкомъ степи лежащей у его подножья, сквозили чрезъ туманную дымку дали новыя горы. Я съ удовольствіемъ привѣтствовалъ ихъ. Это были уже горы Кульджинскаго района,—цѣль моего путешествія. Окрестные Киргизы зовутъ ихъ *Буанъ-тау;* * на русскихъ картахъ онѣ значатся подъ общимъ китайскимъ именемъ *Боро-Хоро.*

Крутой спускъ потребовалъ тормаза, подвигаться приходилось крайне медленно почти до низу. Снѣга уже не было на высотѣ, и только первый проблескъ весны замѣчался на этихъ горахъ; лишь желтые цвѣты одуванчиковъ окаймляли дорогу, остальныя растенія еще не распускались. Въ степи лежащей за Алтынъ-Эмелемъ попадались цѣлыя стада мелкой и крупной дичи; легкіе, граціозные джейраны (Antilope subgutturaea); эти газели туркестанскихъ степей то и дѣло убѣгали задолго еще до приближенія къ нимъ, останавливались вдали, настороживъ уши и постоявъ нѣсколько секундъ скрывались изъ вида. Въ противоположность имъ, близко, близко подпускаютъ къ себѣ *бульдрюки* (Pterocles), они взлетаютъ всею стаей, чтобы чрезъ нѣсколько саженъ снова

---

* *Буанъ*—дикія, *тау*—горы.

опуститься на лыльной дорогѣ и снова начать съ путникомъ ту же игру. Издали видно какъ подымаются тяжелыя дрофы, слышны крики журавлей и какъ бы отвѣтные имъ короткіе возгласы фазановъ-лѣтушковъ; зайцы мелькаютъ между степными кустиками. Въ предгорьяхъ встрѣчаются кабаны, барсы, олени, а ловыше архары (горные бараны), гордость этихъ горъ. Короче сказать, такое разнообразіе звѣрья и лтицы, какое можетъ развѣ только пригрезиться прихотливому охотнику.

Незамѣтно стали вырѣзываться съ обѣихъ сторонъ дороги камни по поверхности степи; все чаще и чаще, они сплотились наконецъ въ скалистыя гряды и путникъ опять въ коррідорѣ какого-то ущелья; но что̀ это за ущелье, надо видѣть чтобъ оцѣнить. Пусть читатель вообразитъ себѣ извивающуюся дорожку между стѣнами обнаженныхъ, играющихъ всевозможными цвѣтами конгломератовъ, и онъ будетъ имѣть слабое понятіе о прелести декораціи представляемой этимъ неожиданнымъ ущельемъ. Дорога идетъ внизъ высохшимъ логомъ какой-то старой рѣки, оставившей послѣ себя только сылучій песокъ устилавшій когда-то ея дно. И станція Кайбинъ пріютилась въ этомъ ущельѣ, на бережку ручья, обросшаго талами и цвѣтущими, пахучими кустами. Раннимъ утромъ поднялся я изъ Кайбина. Огромная высокая степь, покрытая еще голубоватымъ утреннимъ туманомъ, разстилалась почти вровень съ гребнемъ стѣны покинутаго мною ущелья; первые лучи солнца двумя-тремя отблесками обозначали изгибы прорѣзывающей ее рѣки. Это опять Или. На горизонтѣ, прямо предо мною, словно грядка легкихъ облаковъ, тянулись покрытыя еще снѣгомъ вершины ближайшаго отрога Тяньшана; подножія его, утопая въ утренней мглѣ, сливались съ общимъ голубымъ колоритомъ неба, а слѣва не вдалекѣ синѣли, закутанныя облаками, каменныя массы Боро-Хоро. Вся свѣтлая, словно прозрачная, открылась эта картина предо мною, и я не могъ достаточно насмотрѣться на нее. Еще такъ недавно это была китайская земля, это были китайскія горы.

Твердый каменистый грунтъ съ разсыпанною по немъ горною галькой тянулся нѣсколько верстъ за ущельемъ, затѣмъ экипажъ покатился по той же глинистой намывной почвѣ, по тому же „лёссу“ который покрываетъ бо́льшую часть степей

Туркестана. Переѣздъ оканчивается въ городѣ *Борохудзирп.*

Небольшое поселеніе носящее это имя было когда-то китайскимъ городкомъ, ближайшимъ къ нашей границѣ, теперь оно похоже больше на деревню, чему способствуютъ невзрачные домики, выстроенные поселенцами-Малороссами. Населеніе городка почти исключительно русское, и не весело ему приходится отъ климатическихъ условій окружающей степи. Зимой дуютъ сильные холодные вѣтры, сопровождаемые частыми метелями; лѣтомъ здѣсь почти никогда не бываетъ дождей, которые не рѣдки въ другихъ частяхъ долины Или. Отъ мѣстныхъ жителей я слышалъ что часто они съ упованіемъ смотрятъ на появляющуюся съ запада тучу, но не тутъ-то было; подходя къ Борохудзиру она раздѣляется на двѣ, которыя идутъ по горамъ, изливая на нихъ свой запасъ воды, а Борохудзирцы изнываютъ отъ солнцепека. Мнѣ самому пришлось одинъ разъ ѣхать подъ проливнымъ дождемъ въ окрестностяхъ Суй-Дуна, а надъ борохудзирскимъ небомъ виднѣлись звѣзды. Единственное услажденіе монотонной жизни Борохудзирцевъ составляетъ довольно большой городской садъ, представляющій тѣнистое и прохладное убѣжище.

Переселенцы Малороссы живутъ теперь хорошо; у всякаго есть домикъ и хозяйство, многіе даже богатѣютъ. Разказывающъ что прежде поселенія своего въ Борохудзиръ, вѣрнинскіе хохлы послали нѣсколькихъ человѣкъ изъ своей среды для осмотра мѣстности; вернувшись посланные восхищались прелестями и богатствами представляемыми новою мѣстностью; выраженное въ своеобразной формѣ повѣствованіе ихъ напоминаетъ библейскія слова объ обѣтованной землѣ; они говорили: „тамъ хорошо; зачерпнешь ведромъ въ рѣкѣ—полведра воды, полведра рыбы; корова съ поля идетъ—по копытамъ молоко течетъ, на рогахъ шелкъ несетъ“. Отправились на новыя мѣста впрочемъ только плохіе мужики, которымъ не повезло; пріѣхавшіе изобличали во всемъ сильнѣйшую бѣдность. Теперь какъ видно они олерились; смазные сапоги мужиковъ, бьющіе на эффектъ платки и ситцевыя платья прекрасной половины этого населенія показываютъ что у нихъ водятся и лишнія деньжонки.

Но довольно о Борохудзирѣ; предъ нами широкая степь,

239

на востокѣ виднѣется большая темная полоса, какъ будто деревья; что̀ это такое? Не лѣсъ же среди степи, а для садовъ что-то ужь очень велико.

Да, теперь это пожалуй и лѣсъ: такъ разрослись и одичали насаженныя въ былыя времена деревья, на огромномъ пространствѣ, верстъ на 30 въ длину и повидимому не менѣе половины этого протяженія въ ширину. Эти заросли еще не такъ давно скрывали цѣлыхъ четыре города; города эти путешественникъ и теперь видитъ, проѣзжая чрезъ лѣсъ, но это уже мертвые города, отъ которыхъ остались груды щебня, съ торчащими стѣнами безъ крышъ, а теперешніе обитатели ихъ суть фазаны, гнѣздящіеся въ сорныхъ травахъ покрывающихъ развалины, да тигры которыхъ зимнія вьюги гонятъ изъ степи.

Грозная буря пронеслась въ 1863 году надъ красивою долиной Или. Возмущенные нестерпимымъ деспотизмомъ Китайцевъ возстали Дунгане; грозною волной нахлынули массы ихъ на притѣснителей, истребили ихъ, сравняли съ землей ихъ жилища. Такіе разрушенные города, большіе и малые, встрѣчаются то и дѣло по дорогѣ вплоть до теперешней Кульджи; и не одна большая дорога пострадала; поѣзжайте поперекъ долины, вы встрѣтите разоренныя деревни; ступайте въ горы, и тамъ найдутся сокрушенныя стѣны жилищъ и китайскихъ монастырей.

Холодный, быстрый горный потокъ Усёкъ, пѣнистою, разбивающеюся о камни полосой, прорѣзаетъ этотъ лѣсъ. Во время лѣтняго разлива проѣздъ черезъ него не безопасенъ. Нѣсколько человѣкъ Киргизовъ дежурятъ въ это время по берегу и посредствомъ аркановъ помогаютъ переѣзду экипажа, который безъ этихъ предосторожностей легко можетъ быть унесенъ теченіемъ. Кругомъ Усёка растительность особенно густа и тѣниста; по берегамъ арыковъ отведенныхъ отъ рѣки подымаются громадныя количества молодыхъ каргачей и другихъ деревьевъ, выростающихъ изъ падающихъ сѣмянъ; заботы объ орошеніи западной части Акъ-Кентскаго лѣса (такъ называютъ эти насажденія) лежатъ на завѣдующемъ Борохудзирскимъ садомъ садовникѣ и существованіе ея лока обезпечено. Къ сожалѣнію нельзя сказать того же о восточномъ заусёкскомъ участкѣ. Отсутствіе воды обусловливаетъ постепенное

340

вымираніе его; на большихъ пространствахъ уже видны голые остовы высохшихъ деревъ; жаркое солнце скоро погубитъ и остальныя. Теперь разрѣшено безпріютнымъ Калмыкамъ селиться въ Акъ-Кентскомъ лѣсу; это позволеніе могло бы имѣть большое вліяніе на сохраненіе въ немъ растительности, но Калмыки почему-то не пользуются имъ; видѣлъ я нѣсколько калмыцкихъ жилищъ разбросанныхъ по лѣсу, но такое ничтожное количество рабочихъ рукъ не въ состояніи поддерживать арыки, а слѣдовательно и растительность на большихъ пространствахъ.

Далѣе дорога идетъ степью, на которой разбросаны сады, скрывающіе разрушенныя селенія. Я достигъ городка Суй-Дуна, гдѣ долженъ былъ остановиться по дѣламъ моей командировки. Здѣсь впервые пришлось мнѣ столкнуться съ новыми для меня народностями, среди которыхъ я долженъ былъ прожить около трехъ мѣсяцевъ. Суй-Дунъ населенъ Дунганами, отъ чего понятно что онъ остался неразрушеннымъ во время возстанія. Странно на первый взглядъ смѣшанное впечатлѣніе китаизма съ мусульманствомъ, производимое этимъ городкомъ; теперь, впрочемъ, я не стану представлять характеристику обитателей его, такъ какъ о нихъ, какъ и о нѣкоторыхъ другихъ народностяхъ Илійской долины, будетъ рѣчь впереди. Самый городъ очень невеликъ, расположенъ на берегу пересыхающей лѣтомъ рѣчки Суй-Дуны, какъ называютъ ее Русскіе, за которою тянутся довольно большіе сады.

Дома Суй-Дуна имѣютъ китайскую физіономію; жители одѣты по-китайски и говорятъ на языкѣ Небесной Имперіи, а между тѣмъ почти вездѣ проглядываетъ какая-нибудь складочка послѣдователей ислама.

Первыя лица съ которыми мнѣ пришлось познакомиться въ Суй-Дунѣ были нѣсколько представителей городскаго управленія, между которыми я упомяну двоихъ: *ла-яншая*,* имя котораго я позабылъ, и судью Джунусъ-Ахуна. Съ этимъ послѣднимъ читателю придется еще встрѣтиться въ моемъ разказѣ, перваго же представлю сейчасъ.

Занимая довольно видное мѣсто, онъ во время возстанія игралъ не послѣднюю роль; массивная, ожирѣвшая фигура

---

* Яншай соотвѣтствуетъ нашему городничему.

341

его показывала что человѣкъ этотъ всегда пользовался благами хорошей жизни. Привѣтливость его лица, когда онъ разговариваетъ съ Русскими, не мѣшаетъ его заплывшимъ глазамъ принимать угрюмое, непріятное выраженіе въ минуты молчанія; видно что это человѣкъ энергическій. Одѣтъ ла-яншай былъ въ скромный китайскій костюмъ изъ синяго сукна; на глазахъ красовались огромныя круглыя очки, устроенныя особымъ образомъ: отъ переносицы подымается изогнутый дугою металлическій стержень, оканчивающійся плоскою пуговкой, которая упирается въ средину лба; прикрѣпляются они посредствомъ двухъ шнурковъ задѣваемыхъ за уши; размѣры круглыхъ стеколъ совсѣмъ неправдоподобны.

— Яншай, откуда вы достаете такія стекла для своихъ очковъ? спросилъ я величественнаго Дунгана.

— Очки привозятъ сюда готовыми изъ Пекина, отвѣчалъ онъ;—это не стекла, а камни; стеклянныя очки вредно носить, отъ нихъ жарко глазамъ, а камень прохлаждаетъ.

Изъ какого камня сдѣланы они, не берусь рѣшить, но помню что они были совершенно безцвѣтны и прозрачны.

— Для чего ихъ дѣлаютъ такими большими? поменьше было бы удобнѣе.

— Есть разныя; ко мнѣ идутъ больше такія, потому что я самъ полный; маленькія были бы на мнѣ некрасивы.

Въ Суй-Дунѣ я остановился на житье, предполагая заняться въ окрестностяхъ этого города розысками „дикаго шелкопряда“, хотя найденъ онъ былъ впервые кулцомъ Колыловымъ въ холмахъ довольно далеко отъ этого мѣста, но я рѣшился изслѣдовать прежде Суйдунскій участокъ степи на томъ основаніи что изъ этой мѣстности коконы были привезены въ прошломъ 1874 году капитаномъ Ларіоновымъ. Нанявъ верховыхъ лошадей я на слѣдующее по пріѣздѣ утро выѣхалъ въ степь. Были первые дни мая; степь зеленѣла еще молодою травой; зайцы, многочисленные по всей долинѣ Или, безпрестанно выскакивали изъ кустовъ мимо которыхъ проѣзжала наша группа; мѣстами попадались дрофы въ полномъ брачномъ нарядѣ, важно выступали они, распустивъ вѣеромъ хвосты. Безпрестанно слѣзая съ лошади, переѣзжая изъ открытой степи къ холмамъ, оттуда въ лощины и на берега ручьевъ, осматривая кусты и группы травъ, надѣясь встрѣтить гусеницъ шелкопряда, я успѣлъ

собрать много насѣкомыхъ; попадались также пустые, прошлогодніе кокончики искомой бабочки, и только. Такимъ образомъ въ безуспѣшныхъ поискахъ провелъ я два дня въ степи, изъѣздивъ значительное пространство по различнымъ направленіямъ; на третій день я рѣшился возвратиться въ Суйдунъ, предполагая что пасмурная погода, стоявшая эти дни, заставляла червей прятаться. Говорятъ что первая неудача не должна устрашать и ослаблять энергію; признаюсь что на обратномъ пути это правило мало утѣшало меня. Какъ энтомологъ, знакомый съ капризными случайностями поисковъ за насѣкомыми, я начиналъ опасаться что или совсѣмъ не разыщу шелкопряда въ этихъ обширныхъ степяхъ, или же найду его такъ поздно, когда полное изслѣдованіе его окажется уже невозможнымъ въ текущемъ году. Однако видно было суждено открыться шелкопряду въ эту поѣздку. Спускаясь съ одного холма, поскользнулась и упала вьючная наша лошадь. Пока бывшіе со мною люди поправляли сбившійся вьюкъ, я слѣзъ съ лошади и тутъ же предъ собой увидѣлъ на молодомъ побѣгѣ одной изъ травъ характерныхъ для солонцеватыхъ степей, * двухъ полосатыхъ личинокъ, въ которыхъ съ перваго же взгляда заподозрилъ производителей тѣхъ небольшихъ кокончиковъ которые бѣлѣли на степныхъ кустахъ. Какъ видно будетъ дальше, подозрѣнія мои оправдались.

II.

Талкинское ущелье.—Озеро Сайранъ-Нооръ.—Графитъ.

Въ Суй-Дунѣ взятые для воспитанія черви скоро завили свои коконы. Пока до выхода бабочекъ дѣлать было нечего, я воспользовался этимъ временемъ чтобы сдѣлать экскурсію на альпійское озеро Сайранъ-Нооръ, находящееся верстахъ въ шестидесяти отъ города Суй-Дуна. Мощное горное поднятіе, ограничивающее съ сѣвера долину Или, скрывающее въ своихъ вершинахъ это озеро, обозначается у насъ общимъ именемъ Боро-Хоро; туземцы даютъ различныя названія раз-

---

* Kochia arenaria изъ семейства солянковыхъ.

1-343

личнымъ частямъ его. Когда я выѣзжалъ изъ Суй-Дуна, Боро-Хоро былъ закутанъ густыми тучами, изъ которыхъ мѣстами виднѣлись полосы дождя; туземцы уговаривали меня отложить поѣздку, тѣмъ болѣе что на вершинахъ лежалъ еще снѣгъ, но мнѣ хотѣлось поскорѣе увидать и озеро и ведущее къ нему ущелье, про красоты которыхъ я много слышалъ отъ посѣтившаго это мѣсто въ 1873 году Англичанина Дёлакъ. Путь нашъ слѣдовалъ сначала по почтовому тракту, по направленію къ Борохудзиру, потомъ круто сворачивалъ почти прямо на сѣверъ, на мѣстечко Лаоцу-гунъ, полуразрушенное селеніе съ живописными группами деревъ; жители его Дунгане. Мы проѣхали мѣстечко не останавливаясь и послѣ немногихъ часовъ были у подножья Боро-Хоро, на берегу быстраго потока Талки. Ущелье по которому намъ предстояло подниматься раскрывалось предъ нами все наполненное свѣжею зеленью только что распустившихся деревьевъ и кустарниковъ; заманчиво змѣилась дорога по ущелью, то перебѣгая по дну его черезъ потокъ, то взбираясь по откосамъ скалъ, но, посмотрѣвъ на небо, я не рѣшился вступить въ горы, и предпочелъ устроить ночлегъ у подошвы ихъ. Я хорошо сдѣлалъ, потому что за ночь надъ горами пронеслась гроза. Къ разсвѣту небо очистилось и все предвѣщало хорошій день. Мы поднялись до восхода солнца; въ ущельѣ лежалъ еще туманъ; утренняя свѣжесть вынудила насъ ѣхать рысью. Но солнце не долго заставило ждать своихъ жгучихъ лучей; вотъ уже мы подымаемся шагомъ по каменистой тропинкѣ; то справа, то слѣва пѣнится и клокочетъ потокъ Талки. Животрепещущіе мостики уже два раза переводили насъ черезъ потокъ, но на третьемъ случилась со мной оказія, повторенія которой въ другой разъ я не желалъ бы. Надо сказать что настилка мостиковъ состоитъ здѣсь изъ жердей и бревенъ свободно лежащихъ на двухъ балкахъ, укрѣпленныхъ въ берегахъ; обыкновенно мосты эти не имѣютъ перилъ, на нѣкоторыхъ настилка закрыта наваленнымъ сверху хворостомъ. Привычныя лошади умѣютъ очень хорошо балансировать на двигающихся подъ ногами бревнахъ; насыпанный же сверху хворостъ оказываетъ въ этомъ случаѣ плохую услугу, скрывая бревна отъ глазъ. Лошадь моя, не видя предъ собою ничего кромѣ хвороста, провалилась передними ногами между жердинами;

дѣлая сильныя движенія чтобы подняться, она раздвинула бревна находившіяся позади и провалилась задними ногами; такимъ образомъ очутилась висящею на животѣ. Признаюсь, положеніе было критическое; свирѣпый потокъ, разбивающійся въ лѣну объ огромные камни, не представлялъ никакой надежды на спасеніе, въ случаѣ паденія. Но горныя лошади цѣпки какъ кошки; не успѣлъ я рѣшиться на что-нибудь, какъ лошадь успѣла какимъ-то образомъ выкарабкаться и тяжело дыша и дрожа на всѣхъ четырехъ ногахъ осторожно прошла остальную часть моста. Этотъ маленькій эпизодъ внушилъ мнѣ такое недовѣріе къ горнымъ мостикамъ что я подозвалъ къ себѣ проводника, молодаго Дунгана по имени Любаза, и спросилъ его нѣтъ ли бродовъ черезъ Талки. Изъ его отвѣта оказалось что мостики выстроены недавно и именно на мѣстахъ бродовъ.

— Не безпокойтесь, примолвилъ осклабляясь Дунганъ;—половина мостовъ уже снесена водой, все равно придется ѣхать въ бродъ.

Что выше, то красивѣе становится ущелье, все неожиданнѣе и разнообразнѣе открывающіяся панорамы; въ полосѣ гдѣ береза начинаетъ примѣшиваться къ ивѣ, мнѣ встрѣтились и наши сѣверныя бабочки, правда въ сообществѣ горныхъ видовъ южныхъ широтъ. Вотъ ивняка уже совсѣмъ не видно, а вмѣсто его проглядываютъ между березами гдѣ осинки, а гдѣ и стройныя ели; правъ былъ Дёлькъ, замѣчательно красиво Талкинске ущелье; не успѣваешь оглядывать мѣстность по которой идешь, какъ уже новыя и новыя картины открываются предъ глазами. Мѣстами прерывается растительность, перебѣгая высоко надъ головой, по вершинѣ утеса, обнаженный, растрескавшійся обрывъ котораго упирается въ самую дорогу узкою ленточкой, прижавшеюся къ гигантской стѣнѣ. Въ другомъ мѣстѣ сплошной лѣсъ покрываетъ крутые склоны, лѣсъ изъ ели, осины и рябины, которая еще едва распускалась при мнѣ. Массы мертвыхъ стволовъ и бѣлѣютъ, и чернѣютъ кругомъ. Рѣка стала уже значительно мельче и меньше въ размѣрахъ; вотъ остались внизу и лѣса, въ ложбинкахъ лежитъ снѣгъ, дорога идетъ круче и круче, такъ что лошади замѣтно напрягаются.

Но вотъ прекратилась и вересковая, и травяная поросль, пошли голые утесы, покрытые мѣстами округленными, жел-

345

тыми и зелеными пятнами лишайниковъ. Дулъ сильный вѣтеръ; мы въѣхали на высокій гребень; глубоко подъ нами открылось большое темносинее озеро, окруженное со всѣхъ сторонъ горами еще покрытыми снѣгомъ.

Не въ первый разъ увидѣлъ я альпійское озеро; живо помнятся мнѣ прелестныя озера Швейцаріи, но я не замѣчалъ чтобы которое-либо изъ нихъ произвело на меня такое впечатлѣніе какъ Сайрамъ-Нооръ; и я не знаю чѣмъ объяснить это, дѣйствительно ли оригинальною красотой суровой обстановки и яркой окраски самаго озера или же отвычкой глаза, утомленнаго многолѣтнимъ созерцаніемъ однообразныхъ степей, или наконецъ сознаніемъ отчужденности этого прелестнаго уголка, затерявшагося въ такой дали и глуши что рѣдко кому удастся и взглянуть на него.

Чтобы подъѣхать къ озеру мы должны были спуститься съ довольно крутаго склона, вдоль котораго шла дорога, направлявшаяся дальше, вдоль восточнаго берега Сайрамъ-Ноора. Близко къ озеру проводникъ впрочемъ не поѣхалъ, совѣтовалъ и намъ не подъѣзжать къ самому берегу, предупреждая что это дурное озеро.

Поверхность голубой воды была неспокойна въ этотъ день, сильный прибой съ шумомъ разбивался о берегъ, выкатывая на него пѣнистые гребешки. Озеро имѣетъ округленную форму и насчитываетъ въ одномъ поперечникѣ (почти съ S на N) 24 версты, а въ другомъ (съ W на O) 27 верстъ. Мы подъѣхали къ нему съ юга; предъ нами по ту сторону озера подымался довольно острый пикъ острога Сары-Чака, а съ противоположной стороны виднѣлся на небольшомъ холмѣ еловый лѣсъ, представляя собою чуть ли не единственную древесную поросль котловины озера Сайрамъ-Ноора или Сайрамъ-Куля, какъ называютъ его Таранчи. Всѣ окрестныя горы были еще въ снѣгу, лежавшемъ мѣстами и по берегамъ озера; не вдалекѣ отъ того мѣста гдѣ мы стояли виднѣлись руины китайскаго пикета, разрушеннаго тѣми же руками которыя уничтожили и селенія долины Или. Отдавъ лошадь проводнику, я пошелъ посмотрѣть на эти развалины. Три аккуратно вымощенные дворика, одинъ выше другаго, достаточно уже охарактеризовывали китайскій стиль постройки; остатки стѣнъ торчащіе вокругъ скрывали въ себѣ множество гнѣздъ, обладатели которыхъ съ крикомъ и хлопотливымъ щебетаньемъ начали носиться вокругъ меня,

346

когда я вошелъ въ развалины. Эти обитатели высотъ были клушицы (Pyrrhocorax alpinus) и рѣполовы (stranthis connabina), по берегу прыгали также сороки; вотъ и всѣ птицы какихъ я встрѣтилъ на берегахъ Сайрама, на высотѣ 7.000 футовъ. Ниже въ ущельѣ, я видѣлъ между прочимъ сайрамскихъ гусей, raficallis.

Когда я вернулся къ мѣсту гдѣ расположились мои спутники, былъ уже заваренъ чай и разложена неприхотливая трапеза путешественника. Воду для чая взяли изъ ближайшаго ключа, потому что вода Сайрама имѣетъ слегка горьковатый вкусъ.

— Любаза, окликнулъ я проводника, — отчего ты называешь это озеро дурнымъ?

— Таксыръ (господинъ), отвѣчалъ онъ, — мы никогда не подходимъ близко къ этому озеру; говорятъ что оно выбрасываетъ камни и убиваетъ людей.

Изъ дальнѣйшихъ повѣствованій Любазы оказалось что туземцы питаютъ какой-то страхъ предъ этимъ озеромъ; разказываютъ что оно волнуется безъ вѣтра, чуть ли не при участіи злыхъ духовъ, населяющихъ его. Дорога проходитъ довольно далеко отъ берега, почти въ верстѣ, и туземцы не отваживаются подходить къ озеру. * Дѣлькъ разказывалъ мнѣ что въ Сайрамѣ водятся небольшіе раки, которыхъ онъ принялъ за креветокъ; я не могъ найти ничего похожаго, вѣроятно по случаю ранняго времени года, но предполагаю что эти креветки должны быть какимъ-нибудь видомъ бокоплавовъ (gammarus). Было бы весьма желательно обстоятельное изслѣдованіе фауны какъ Сайрама-Ноора, такъ и другихъ горныхъ озеръ Средней Азіи; въ этомъ отношеніи чувствуется значительный пробѣлъ въ зоологическихъ свѣдѣніяхъ нашихъ о Туркестанскомъ краѣ.

Верстахъ въ пяти отъ разрушеннаго пикета находится значительное мѣсторожденіе весьма доброкачественнаго графита; онъ выходитъ на поверхность почвы и сверху пріобрѣлъ, вслѣдствіе атмосферическихъ вліяній, слоистое сложеніе; но уже на глубинѣ трехъ аршинъ онъ представляетъ плотную, однородную массу, повидимому вполнѣ годную для производства карандашей; верхніе отвѣтрившіеся слои этого

---

* Сколько помнится, подобный суевѣрный страхъ возбуждаютъ и нѣкоторыя другія озера, не одинъ Сайрамъ-Нооръ.

графита, благодаря его мягкости и чистотѣ, съ успѣхомъ могутъ употребляться на формовку тиглей и т. п. Всѣ условія этого мѣсторожденія говорятъ въ пользу выгодности его разработки.

Дорога, которая привела насъ къ озеру, вездѣ настолько широка что представляетъ безпрепятственный проходъ для арбъ и во время подъема мы обогнали нѣсколько обозовъ, шедшихъ съ хлѣбомъ въ пограничный китайскій городъ Джеинхо. Арбы эти, употребляемыя также и во всемъ Семирѣчьѣ, отличны отъ туркестанскихъ; въ противоположность послѣднимъ онѣ имѣютъ небольшія колеса съ широкимъ ободомъ; мѣсто спицъ заступаютъ прочные брусья, укрѣпленные крестообразно; колеса сидятъ неподвижно на вращающейся оси. Въ арбы запрягаютъ воловъ, на которыхъ и производится движеніе обозовъ; какъ ни хороша описанная выше дорога чрезъ Талкинское ущелье (такъ-называемая императорская дорога), но достается она воламъ все-таки очень трудно; подъемы, спуски и броды до того утомляютъ скотъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ волы проходятъ всего по шести-семи верстъ въ сутки и то съ роздыхами.

Предъ вечеромъ я оставилъ Сайрамъ-Нооръ и спустился почти до границы березоваго лѣса, гдѣ начинаетъ примѣшиваться таловая поросль; здѣсь, если помнитъ читатель, я видѣлъ много бабочекъ, и потому рѣшился переночевать въ этомъ мѣстѣ, чтобы весь слѣдующій день посвятить коллектированью насѣкомыхъ. Ночь эта останется однимъ изъ самыхъ поэтическихъ воспоминаній моихъ. Снизу, вмѣстѣ съ шумомъ потока, доносились свѣжіе, звучные голоса соловьевъ; полный мѣсяцъ одѣвалъ и окрестныя скалы, и горный туманъ своимъ чарующимъ свѣтомъ; голубоватый дымокъ нашего костра тянулся по ущелью.

Я всталъ на другое утро когда уже солнце взглянуло въ наше ущелье; ожиданія мои оправдались, экскурсіи въ тотъ день дали нѣсколько рѣдкостей; къ ночи я возвратился въ Суй-Дунъ.

III.

Китайскій ресторанъ. — Мертвый городъ.

22го мая я возвращался съ экскурсіи весьма неудачной, по случаю вѣтреной погоды; дорога по городу къ моей квартирѣ лежала мимо ресторана, въ который я и зашелъ; до тѣхъ поръ я ни разу еще не видалъ китайскаго трактира.

Помѣщеніе ресторана состояло изъ большой, довольно темной, за отсутствіемъ оконъ, комнаты, одна половина которой была нѣсколькими ступенями ниже другой и имѣла простой земляной полъ; это кухня, а половина съ каменнымъ поломъ—обѣденный залъ.

Первое лицо которое я увидѣлъ войдя въ ресторанъ былъ дурганскій судья, Джунусъ-Ахунъ; добродушный толстякъ подошелъ ко мнѣ, произнося витіеватыя восточныя привѣтствія, попросилъ сѣсть за столъ и засуетился по комнатѣ, отдавая какія-то приказанія. Оказалось что онъ хлопоталъ о моемъ угощеніи; несмотря на мой отказъ, старикъ настоялъ на своемъ; столъ покрылся миніатюрными блюдечками, чашечками и тарелочками, а самъ судья стоя дожидался по восточному обыкновенію приглашенія гостя начать трапезу.

Не стану описывать поданныхъ кушаній; смотрѣли они далеко не аппетитно, почти всѣ были весьма сильно приправлены чеснокомъ и какою-то другою пахучею травой, что̀ дѣлаетъ ихъ не совсѣмъ вкусными для европейскаго языка. На первомъ мѣстѣ стояли чашки съ традиціонною китайскою вермишелью, составляющею почти исключительную пищу простаго класса. Непривѣтливый видъ яствъ не пугалъ меня; частые и довольно большіе разъѣзды по степямъ пріучили меня быть неразборчивымъ въ предлагаемой пищѣ; другое обстоятельство повергало меня въ немалое смущеніе, и вопросъ-то самый простой: какъ ѣсть? Вмѣсто прибора предо мною лежали двѣ прекрасно сдѣланныя палочки, которыми волей-неволей надо было умудряться брать все, будь это вермишель, рисъ или куски мяса; ѣсть руками было бы совсѣмъ неприлично въ странѣ помнящей китайскую цивилизацію. Съ помощью смѣявшагося надъ моею неловкостью Джунусъ-Ахуна бралъ

я трудный первый урокъ; въ послѣдствіи я нѣсколько освоился съ употребленіемъ этого оригинальнаго прибора, но всегда скажу что врядъ ли можно изобрѣсть другой болѣе неудобный способъ ѣды.

Стѣны комнаты въ которой мы сидѣли были чисто выбѣлены и всѣ разрисованы al fresco весьма разнообразными картинами, изображающими какъ сцены изъ жизни Китайцевъ такъ и миѳологическіе эпизоды. На самомъ видномъ мѣстѣ, противъ входной двери, красовалось изображеніе китайскаго юноши съ огромными остроконечными ногтями и вычурными украшеніями въ видѣ роговъ на шапкѣ; юноша стоялъ въ очень экстравагантной позѣ, высоко поднявъ руки надъ молодою женщиной съ крошечными ножками, сидящею около него. Джунусъ-Ахунъ объяснилъ мнѣ что это изображеніе китайскаго наслѣднаго принца, сдѣланное однимъ очень талантливымъ художникомъ, зарѣзаннымъ во время послѣднихъ смутъ. Рога и длинныя перья на головѣ, растопыренныя руки съ когтями, самая поза, все придавало принцу какой-то демоническій характеръ.

Рога той или другой формы находились на головахъ и всѣхъ боговъ или духовъ, изображенныхъ по стѣнамъ ресторана. Джунусъ-Ахунъ объяснилъ мнѣ содержаніе этихъ фресокъ; чтобы дать понятіе о нихъ, я привожу описаніе одной изъ картинъ.

Среди поля стоитъ толстая фигура, одѣтая въ богатый китайскій халатъ, съ мечомъ въ рукѣ; голова этого индивидуума находится въ когтяхъ парящей надъ нимъ большой птицы; изъ перерванной шеи фонтаномъ брызжетъ кровь. Слѣва отъ этой фигуры высокое дерево, на которомъ сидитъ старикъ, также въ богатомъ костюмѣ. Это аллегорическое изображеніе идеи торжества добра надъ зломъ. Злой духъ возмутился противъ добраго и вызвалъ его на бой; добрый духъ, не трогаясь съ мѣста, показалъ ему свою силу; онъ послалъ большую птицу, которая оторвала демону голову. Другія аллегоріи были настолько же безхитростны. Остальныя картины изображали батальныя сцены, гдѣ лошади буквально летаютъ по воздуху, пейзажъ съ животными и сцену домашняго быта Китайцевъ.

Пока мы сидѣли за нашимъ столомъ безпрестанно входили рабочіе Дунгане, каждому неизмѣнно подавалась чашка

вермишели, которая быстро уничтожалась при помощи деревянныхъ палочекъ; слышался говоръ на монотонномъ китайскомъ діалектѣ и бренчанье мѣдныхъ монетъ въ размѣрѣ отъ 1½ до 3 копѣекъ, смотря по съѣденной порціи. Ни улыбки, ни возгласа; все вяло, безжизненно, какъ и самыя фигуры бѣднаго люда.

Разговоръ нашъ, вращавшійся сперва на воспоминаніяхъ о китайскомъ владычествѣ, перешелъ на мое путешествіе; я сообщалъ моему собесѣднику о тѣхъ мѣстахъ въ которыхъ былъ уже и планъ дальнѣйшихъ разъѣздовъ, между прочимъ сказалъ что хочу на дняхъ посмотрѣть на развалины манчжурской Кульджи, находящейся въ двѣнадцати верстахъ отъ Суй-Дуна. Оказалось что Джунусъ-Ахунъ собирался по дѣламъ туда же на слѣдующій день и предложилъ свои услуги въ качествѣ проводника. Джунусъ-Ахунъ помнилъ Кульджу еще во время ея цвѣтущаго состоянія; такой чичероне былъ для меня понятно очень дорогъ и мы разстались рѣшивъ отправиться вмѣстѣ. Выйдя изъ ресторана я разсмотрѣлъ его вывѣску; она имѣетъ видъ кожанаго кошелька съ тремя кистями. Какъ разъ напротивъ въ это время происходила сцена обратившая мое вниманіе: мясникъ Дунганъ, ловѣсивъ за заднія ноги баранью тушу, срѣзалъ мясо. Мелкими извилистыми движеніями вился ножъ, вплотную преслѣдуя контуры костей; отъ опытной руки не ускользала ни одна впадина, ни одинъ изворотъ кости; вся операція была окончена минутъ въ восемь, послѣ чего остался совершенно голый скелетъ; ребра, отростки позвонковъ— все было чисто.

На другой день рано утромъ Джунусъ-Ахунъ съ лошадьми былъ уже у меня на дворѣ и мы выѣхали изъ города чрезъ южныя ворота; знакомая картина степи съ разбросанными тамъ и сямъ группами деревъ, подъ которыми скрываются маленькіе домики поселянъ, открылась предъ нами; впереди ясно очерчивалась въ утреннемъ воздухѣ зубчатая линія ближайшаго отрога Тянь-Шана. Вскорѣ мы въѣхали въ сплошные сады, тянущіеся до самой Кульджи. Эти давно заброшенные парки, разросшіеся по волѣ судьбы, имѣютъ видъ красивыхъ рощицъ, въ которыхъ деревья и кусты перемежались съ полянками, испещренными мелкими цвѣтами. Мѣстами попадались кое-какъ исправленные домики; полудикое населеніе ихъ пряталось при нашемъ приближеніи.

Наконецъ окончилась полоса садовъ; проѣхали не безъ нѣкоторой опасности чрезъ развалившійся каменный мостъ, дорога пошла вверхъ по небольшому холму, съ котораго открылась картина грандіозныхъ развалинъ огромнаго города и крутаго изгиба рѣки.

Въ городъ мы въѣхали по широкой прямой улицѣ, мѣстами заваленной изломаннымъ кирпичомъ и щебнемъ; недалеко отъ въѣзда, слѣва, высился разбитый фронтонъ большаго зданія; ступени вели въ отверстіе служившее когда-то дверью. По сторонамъ крыльца стояли два большіе каменные пьедестала съ прелестными высѣченными узорами; рядомъ лежали разбитые каменные львы, красовавшіеся нѣкогда на пьедесталахъ. Такіе львы часто ставились Китайцами предъ входомъ въ большія зданія. У многихъ львовъ я видѣлъ свободно двигающійся шаръ во рту; такой шаръ долженъ быть выдолбленъ внутри пасти, потому что клыки, замыкающіе ротъ съ двухъ сторонъ, не позволяютъ какъ ввести его извнѣ, такъ и вынуть его вонъ. Съ мѣста гдѣ мы находились открывалась панорама большей части города; изуродованные остатки огромныхъ зданій высились надъ разрушенными домиками, по большей части снесенными до основанія. Къ нѣкоторымъ изъ этихъ высокихъ зданій и повелъ меня Джунусъ-Ахунъ, разказывая о ихъ прошедшемъ. Вотъ высокія стѣны съ обвалившеюся на половину красноватою штукатуркой, это развалина большаго храма; внутри зданіе это состояло изъ трехъ дворовъ — иначе я не умѣю назвать большихъ, почти квадратныхъ площадей, заключенныхъ въ этихъ стѣнахъ; на второй площадкѣ сидятъ два разбитые истукана изъ бѣлой глины, прислонившіеся къ темнокрасной стѣнѣ, а въ глубинѣ третьяго дворика виденъ еще одинъ большой бурханъ (идолъ), на которомъ замѣтны еще слѣды когда-то богатой отдѣлки. Стѣны заключающія въ себѣ эти предметы недавняго поклоненія выложены съ истинно китайскою аккуратностью изразцами, но не пестрыми, какъ дѣлали Мавры, а одноцвѣтными и притомъ одноформенными; узоръ выходитъ такъ какъ на паркетѣ.

Въ одной изъ центральныхъ частей города мы подъѣхали къ другому храму, отъ котораго остался только одинъ фундаментъ; обломки стѣнъ, да груды камня и мусора лежали кругомъ. Среди этого разрушенія возвышалось колоссальное

752

изваяніе Будды, изуродованное варварскими руками мятежниковъ. Безъ головы и рукъ, съ пробитою грудью, стоитъ эта статуя, открытая вѣтрамъ и непогодѣ. Оскорбленнымъ и разгнѣваннымъ божествомъ смотритъ она, какъ бы негодуя на людей которые повергли стѣны скрывавшія его святость отъ праздныхъ взоровъ толпы.... Говорятъ Китайцы отвращаются проѣзжая мимо этой статуи; вѣрю что она должна производить на нихъ самое тяжелое впечатлѣніе.

А вотъ еще какой-то хаосъ всевозможныхъ обломковъ и щебня и кирпича, груды оставшіяся отъ огромной постройки; это былъ дворецъ генералъ-губернатора (дзянь-дзюня) города Кульджи. Всѣмъ хорошо извѣстна исторія этого героя послѣднихъ дней Илійской провинціи, окончившаго жизнь способомъ достойнымъ сыновъ древняго Востока. Въ критическій моментъ поголовной рѣзни, за роскошнымъ банкетомъ, окруженный своимъ семействомъ, дзянь-дзюнь раскаленнымъ пепломъ только-что выкуренной трубки поджегъ фитиль проведенный къ запасамъ пороха въ погребахъ его дворца; что̀ осталось отъ всего этого, лежало теперь предо мною. Но не одна безобразная масса щебня заключалось въ этихъ грудахъ; художникъ открылъ бы въ нихъ многое надъ чѣмъ остановился бы его взоръ. Обломки карнизовъ, съ артистически выполненными рельефными изображеніями цвѣтовъ и узоровъ, отдѣльные кирпичи и изразцы съ украшеніями, цѣлые льедесталы съ затѣйливами драконами, цоколи на остаткахъ стѣнъ, все указываетъ на необычайно художественную отдѣлку и законченность въ самыхъ мелкихъ деталяхъ.

Эта замѣчательная выдѣланность мелочей, характерная для китайскихъ работъ, замѣчается на огромномъ большинствѣ уцѣлѣвшихъ частей кульджинскихъ домовъ; мѣстами попадаются отдѣльныя стѣны съ окнами, углы домовъ, круглыя узорчатыя отверстія въ каменныхъ заборахъ, входы въ сады, ясно показывающіе что городъ былъ въ свое время чѣмъ-то не совсѣмъ обыкновеннымъ по красотѣ и изяществу внѣшней отдѣлки. Ничего не осталось теперь отъ этого прекраснаго города, и только валяющіеся мѣстами черепа съ проросшею сквозь глазныя отверстія травой свидѣтельствуютъ о трагическомъ концѣ бывшихъ обитателей его.

Въ западной части города Или подходитъ крутымъ изгибомъ къ самой стѣнѣ, разрушенной, какъ и близь стоящіе дома, сильнымъ разливомъ рѣки. По словамъ Джунусъ-Ахуна, наводненіе это сдѣлало большія опустошенія: „А тамъ, сказалъ онъ, показывая на рѣку, лежитъ много золота и серебра; здѣсь хранилась казна,' вода размыла подвалы и все унесла съ собой". Дѣйствительно, тутъ замѣчался фундаментъ большаго дома, но Джунусъ предостерегалъ чтобъ я не въѣзжалъ на это мѣсто, такъ какъ въ землѣ вымыто водою много пустотъ и нерѣдко бываютъ провалы. Обогнувъ эту часть города, мы очутились подлѣ огромныхъ городскихъ воротъ съ каменнымъ сводомъ и разрушенною массивною башней надъ нимъ; тутъ былъ въѣздъ на городскую стѣну, на которую мы и поднялись. Стѣна эта настолько широка что намъ втроемъ свободно можно было разъѣхаться на ней; это кажется единственное изъ городскихъ сооруженій сохранившееся въ удовлетворительномъ видѣ. Двѣ совершенно различныя картины открылись съ двухъ сторонъ высокой стѣны; съ одной — разбитый городъ, которому голубовато-сѣрый цвѣтъ его обломковъ придаетъ еще болѣе мертвенный оттѣнокъ, съ другой, Небесныя Горы; широкая равнина, прорѣзанная извилистою рѣкой, стелется у ихъ подножья. За городомъ, верстахъ въ трехъ отъ того мѣста гдѣ мы стояли, виднѣлась церковь и нѣсколько домиковъ; это бывшая русская факторія, пепелище нашего консула; къ сожалѣнію я не могъ посѣтить ее по причинѣ сильнаго разлива Или.

Городъ раздѣлялся на кварталы нѣсколькими стѣнами, какъ мнѣ показалось, тремя, и въ каждой изъ нихъ были такія же ворота какъ тѣ о которыхъ я упоминалъ. Вездѣ перекрещивались подъ прямыми углами ровныя какъ по линейкѣ очерченныя улицы, какъ мы видимъ на планахъ и другихъ большихъ китайскихъ городовъ. Мѣстами возвышались длинныя цилиндрическія трубы, это заводы *джунъ-джуна*, китайской водки. На обратномъ проѣздѣ чрезъ городъ мы наткнулись на два свѣженькіе отдѣланные домика. Какіе-то авантюристы, собравъ узорочныя черепицы, реставрировали уцѣлѣвшія стѣны, покрыли ихъ и живутъ; зачѣмъ, мнѣ не могли объяснить. Не искатели ли кладовъ? Говорятъ, многіе роются въ развалинахъ, отыскивая зарытыя Китайцами сокровища. Въ нѣкорыхъ улицахъ попада-

лись арбы, на которыя накладывали прекрасный китайскій голубой кирпичъ, выбираемый изъ оставшихся фундаментовъ; кирпичъ этотъ, различныхъ размѣровъ, служитъ теперь главнымъ матеріаломъ изъ котораго строятся вновь воздвигающіеся дома въ теперешней Кульджѣ; говорятъ онъ обладаетъ замѣчательными качествами; цѣна на него при мнѣ была 2 р. 70 к. за тысячу; прежде онъ былъ еще дешевле.

Внезапно Джунусъ-Ахунъ свернулъ вправо, повелъ насъ какою-то узенькою улицей подъ гору и мы выѣхали за городъ; здѣсь окружала насъ свѣжая зелень огородовъ, расположенныхъ въ изобиліи съ восточной стороны города; мы подъѣхали къ небольшимъ саклямъ, откуда высыпала цѣлая толла Дунганъ на встрѣчу судьѣ; джигитъ его былъ уже тамъ. Джунусъ поручилъ меня попеченіямъ Дунганъ, какъ гостя. Насъ посадили на кошмѣ подъ низкими вѣтвями раскидистаго вяза и вынесли угощенья. Въ поляхъ окружающихъ это поселеніе я сдѣлалъ небольшую энтомологическую экскурсію, давшую нѣсколько очень интересныхъ формъ перепончатокрылыхъ, которыя вообще гораздо многочисленнѣе и разнообразнѣе вблизи рѣки, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ Илійской долины. Когда я вернулся, Джунусъ сидѣлъ за чаемъ.

— Много ли жителей было въ этомъ городѣ? спросилъ я его.

— Тысячъ сто слишкомъ было.

— Какимъ же способомъ небольшая сравнительно кучка Дунганъ, безъ оружія, могла справиться съ такимъ большимъ населеніемъ?

— И самъ не знаю, какъ намъ Богъ помогъ, послышался простодушный отвѣтъ;—напали-то мы дѣйствительно съ одними ножами да палками; оружіе достали отъ первыхъ же убитыхъ, затѣмъ бросились толпой прямо къ арсеналу, разграбили его и тогда Китайцы перепугались сильно; намъ впрочемъ было меньше *работы*, чѣмъ мы думали; Китайцы со страху сами убивали себя; куда ни заглянешь, вездѣ лежатъ со взрѣзанными животами. Вотъ будете проѣзжать чрезъ Баяндай, увидите, тоже большой городъ былъ; тамъ также не дожидались нашихъ ударовъ; мы думали дня на два рѣзни хватитъ, а окончилось все дѣло часовъ въ шесть; а народа тамъ считали тысячъ до восьмидесяти; сами рѣзались, видно такъ хотѣлъ Аллахъ!

Признаюсь эта тирада нѣсколько озадачила меня; съ какимъ добродушіемъ разказывались сцены самаго бѣшенаго звѣрства! Видъ лежащаго предъ нами въ развалинахъ города, оживленный недавними разказами одного изъ виновниковъ его гибели, возстановилъ предо мной картину безумнаго мятежа; бѣгущія толлы, крики, стоны, падающія стѣны храмовъ, отвратительныя сцены самоубійства, дымъ, пыль и наконецъ финальный эпизодъ—взрывъ дворца, все промелькнуло въ моей головѣ. Хорошъ же долженъ былъ быть гнетъ китайскаго владычества, когда сумѣлъ вызвать такое свирѣпое изступленіе, сокрушившее даже самыя жилища ненавистныхъ повелителей!

— Чтожь, Джунусъ-Ахунъ, теперь покойнѣе жить съ Русскими?

— Да наградитъ васъ Аллахъ! теперь намъ не на что̀ жаловаться, мы увидѣли и покой и свободу!

Эту фразу слышалъ я не отъ одного Джунусъ-Ахуна. Дунгане, а въ особенности Таранчи, при всякомъ разговорѣ примѣшиваютъ восклицанія о томъ какъ свободно жить имъ подъ покровительствомъ русскихъ законовъ. Многіе разказывали мнѣ такъ логично выгоды настоящаго своего положенія что несомнѣнно они ясно начинаютъ сознавать разницу теперешняго положенія дѣлъ отъ прежняго. Но въ то же время замѣтно что это сознаніе только-что начинаетъ пробуждаться; запуганные прежнею тираніей, туземцы сидѣли до сихъ поръ смирно и только присматривались и прислушивались къ новому строю окружающей ихъ жизни. Нѣтъ сомнѣнія что кротость нашихъ законовъ и отсутствіе тягостныхъ формальностей китайскаго этикета скоро внушатъ жителямъ Илійской долины полное довѣріе къ ихъ новымъ завоевателямъ, необходимое для того чтобъ они добросовѣстно служили нашимъ интересамъ.

— А насчетъ удобствъ жизни, Джунусъ-Ахунъ, что̀ скажешь? Почты, телеграфъ, Богъ дастъ будетъ желѣзная дорога; вы ничего такого не знали при Китайцахъ?

Отвѣтъ полученный мною весьма характеристиченъ.

— Здѣсь въ Кульджѣ, сказалъ Джунусъ-Ахунъ, — правда, этого ничего не было; а въ Пекинѣ все было уже давно, прежде чѣмъ у Русскихъ было; Китайцы народъ очень умный, они до всего доходятъ. Теперь все это давно уничтожено; можетъ-быть прежде чѣмъ Русскіе сдѣлали у себя

желѣзныя дороги, Китайцы нашли что всѣ эти изобрѣтенія служатъ для того чтобъ имѣть возможность сильнѣе и скорѣе вредить ближнимъ. Вѣроятно и вы кончите тѣмъ же!

Уже вечерѣло когда мы поѣхали въ обратный путь. Джунусъ-Ахунъ повелъ насъ другою окольною дорогой; плоскіе холмы съ мелкою степною порослью потянулись по обѣ стороны дороги; справа огромное поле было занято китайскимъ кладбищемъ. Что̀ за унылое мѣсто! ни деревца, ни кустика; торчатъ среди степи покосившіяся каменныя тумбочки, всѣ одинаковой формы, всѣ потемнѣвшія и поросшія мхомъ отъ времени. Впереди виднѣлась группа деревьевъ; бѣлые стволы пирамидальныхъ тополей ясно выдѣлялись на темномъ фонѣ мелкой листвы карагачей; это значитъ бывшее селеніе, вонъ и посѣвныя поля съ люцерной; пошли выпархивать чуть не изъ подъ ногъ лошадей перепелки, изъ травы слышались возгласы фазана. Селеніе это, носящее китайское имя *хой-шанъ-цзои-за*, оказалось такимъ же какъ и всѣ окружающія его, то-есть грудою мусора подъ нависшими вѣтвями одичавшихъ деревьевъ; нѣсколько исправленныхъ саклей немного оживляли мѣстность.

— Скучно смотрѣть, Джунусъ-Ахунъ; все развалины да развалины; больно ужь вы расходились!

— Еще много такихъ увидите; рано соскучились, съ самодовольною улыбкой произнесъ Дунганъ.

И не шевельнется въ немъ человѣческое чувство; а вѣдь въ сущности онъ добрый человѣкъ и всѣ хвалятъ его!

Мы пустили лошадей рысью и скоро были въ Суй-Дунѣ.

IV.

Таранчинская Кульджа.—Янчи и его ученики.—Нѣсколько словъ о народностяхъ долины Или.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ описанной поѣздки я оставилъ Суй-Дунъ чтобы поселиться въ Кульджѣ, теперешней столицѣ Кульджинскаго района, отстоящей отъ Суй-Дуна на два двадцативерстныхъ переѣзда.

Кульджа городокъ небольшой и некрасивый; пріѣзжему бросается въ глаза съ перваго же раза отсутствіе всякаго характера въ физіономіи города; это какое-то безсвязное

смѣшеніе разнородныхъ элементовъ. Китайщина лѣпится рядомъ съ глиняными мазанками носящими общій типъ среднеазіятскихъ построекъ; тамъ и сямъ виднѣются русскіе дома и домики, способствуя съ своей стороны общей дисгармоніи городскаго вида. Довольно высокая стѣна окружаетъ центральныя части города. Интереснын стороны Кульджи сосредоточиваются почти исключительно въ молельняхъ и на базарахъ; молельни есть и мусульманскія и китайскія. Въ архитектурѣ тѣхъ и другихъ разницы не видать, такъ какъ почитателямъ Магомета отведены старыя китайскія *буда-хане*; * это высокія башнеобразныя зданія, украшенныя многоэтажными черепичными крышечками съ приподнятыми углами. Узнать что это мусульманская молельня можно только потому что на разныхъ дверяхъ виситъ какой-нибудь клочекъ бумаги съ написанною на немъ *сурой* изъ Корана. Мусульманскія постройки чистаго стиля, увѣнчанныя мавританскимъ куполомъ, встрѣчаются почти исключительно въ музарахъ.

Китайскія молельни отличаются сразу рельефными, прекрасно исполненными буквами на карнизахъ фронтоновъ и другихъ видныхъ мѣстахъ. Вновь отстроенный храмъ, оконченный въ мою бытность въ Кульджѣ, имѣетъ наружность хорошаго китайскаго дома; безъ башни, очень просто и со вкусомъ отдѣланный скульптурными цвѣтами и буквами, фронтонъ его производитъ довольно пріятное впечатлѣніе; надъ рѣшетчатыми воротами находится кружокъ съ черною и бѣлою половинами, это символическое изображеніе дня и ночи. Въ первомъ крытомъ отдѣленіи этого храма я увидѣлъ цѣлую гору пшеницы, собранной отъ доброхотныхъ дателей въ пользу храма; слѣва и справа замѣчаются двѣ двери: первая ведетъ въ женскую молельню, устроенную точно также какъ и главная мужская, о которой сейчасъ будетъ рѣчь; вторая дверка закрываетъ маленькую комнатку въ которой мнѣ показали двухъ журавлей (grus virgo) также пожертвованныхъ храму и содержащихся на его счетъ. Второе отдѣленіе молельни представляетъ собою открытый дворикъ, посреди котораго поставленъ высокій, очень вычурный металлическій жертвенникъ съ колонками и орнаментами,

---

* Домъ идоловъ; этимъ именемъ называютъ мусульмане чуть ли не всѣ иновѣрческіе храмы, въ томъ числѣ и русскіе.

358

весьма хорошо выполненными; свѣжая зола внутри его показывала что недавно происходило жертвоприношеніе. Около лѣвой стѣны этого дворика, на широкомъ каменномъ помостѣ, за столомъ уставленнымъ китайскими яствами, сидѣло нѣсколько человѣкъ невозмутимыхъ жрецовъ великаго Будды; увидавъ Русскихъ они встали, одинъ изъ нихъ вышелъ въ третье отдѣленіе храма, открытаго со стороны дворика, но тѣмъ не менѣе темнаго, и сталъ зажигать ароматическія свѣчи. Это длинныя тонкія палочки, сдѣланныя изъ сердцевины какого-то растенія, привозимыя изъ Пекина *, онѣ не горятъ пламенемъ, а тлѣютъ до конца, распространяя слабый и не совсѣмъ пріятный запахъ. Такія свѣчи втыкаются для горѣнія въ чашку или вазу съ мелкимъ пескомъ или пепломъ. Встрѣчаются онѣ не въ однихъ храмахъ; зажиточный Китаецъ или Дунганъ зажигаетъ такія курилки когда принимаетъ у себя гостей. Въ описываемой части храма, составляющей самую молельню, стоитъ большой столъ весь уставленный атрибутами буддійскаго культа; тутъ стоятъ бронзовыя вазы, бурханы, рисованыя изображенія, курильницы, массы искусственныхъ цвѣтовъ, надписей и т. п. На многихъ предметахъ висятъ ленты, амулеты и множество грубо сдѣланныхъ подушечекъ съ нарисованными на нихъ глазами; ихъ вѣшаютъ больные жаждующіе исцѣленія. Въ этой же комнатѣ находится и колоколъ сзывающій на молитву.

Есть въ Кульджѣ и христіанская церковь для Китайцевъ-католиковъ; это жалкая, бѣдная комнатка, въ которой находится Распятіе и небольшой литографированный образъ; рѣзокъ контрастъ съ сравнительнымъ богатствомъ буддійскихъ храмовъ.

Теперь взглянемъ на базары, которыхъ въ Кульджѣ два: Таранчинскій и Китайскій; на первомъ сидятъ по большей части Татары, торгующіе главнымъ образомъ русскимъ краснымъ товаромъ. Тутъ же находятся мясныя и овощныя лавки. Гораздо интереснѣе казался Китайскій базаръ, гдѣ предполагались сосредоточенными произведенія искусившихся въ дѣлѣ ручной работы сыновъ Небесной Имперіи; но ожи-

---

* Китайцы про все привозное говорятъ что это изъ Пекина; поэтому à la lettre принимать такія заявленія не слѣдуетъ; я привожу фразу такъ какъ слышалъ.

данія увидѣть чистую китайщину не оправдываются; прошли тѣ времена когда массами привозилась всякая изящная мелочь домашняго обихода. Уничтожившійся послѣ паденія Китайцевъ спросъ на эти предметы подорвалъ навсегда и торговлю ими. Ни въ мелкихъ лавченкахъ, ни на лоткахъ подъ матерчатыми навѣсами не могъ я найти почти ничего что̀ интересно было бы пріобрѣсти на память посѣщенія Кульджи. Всѐ набито самымъ разнообразнымъ хламомъ; вездѣ лежатъ kakie-to kусочки, всего понемножку. Здѣсь увидите стеклянныя бусы, маленькіе коническіе kусочки простаго мыла, свинцовыя бѣлила, нѣсколько карандашей плохихъ фабрикъ, китайскіе квасцы, купоросъ, подковы, цвѣтные шарики отъ шляпъ мандариновъ, трубки, гребни, конфеты, крошенныя зеркальца, однимъ словомъ, такой хаосъ самаго грошеваго товара, какой только можно себѣ представить. Въ двухъ-трехъ лавочкахъ нашелъ я только нѣсколько штукъ нефритовыхъ поясныхъ пряжекъ и флакончики, очень плохіе, въ которыхъ Китайцы держатъ нюхательный табакъ. Если можно пріобрѣсти въ настоящее время что-либо типичное китайское, напримѣръ чашки, вазы, вѣера, миніатюрные башмачки, то только при помощи особаго люда напоминающаго нашихъ коробейщиковъ, предлагающихъ Богъ вѣсть откуда набранный товаръ. Китайскія шелковыя матеріи, весьма хорошаго качества, продаются въ особыхъ магазинахъ. За Китайскимъ базаромъ расположены нѣсколько ювелирныхъ лавокъ, гдѣ я подолгу наблюдалъ за медленнымъ, кропотливымъ ходомъ производства какого-нибудь серебрянаго дракона съ коралловыми или рубиновыми глазками и т. под. На площади предъ базаромъ сосредоточена торговля плодами, которые привозятся главнымъ образомъ изъ садовъ Суй-Дуна, такъ какъ они предпочитаются кульджинскимъ. Различныя фабрики Китайцевъ обозначаются особыми вывѣсками, весьма однообразными и малозначащими; обыкновенно это большія плоскія доски въ родѣ жернововъ изъ чугуна или глины; разница въ матеріалѣ означаетъ различныя производства. Я заходилъ на крахмальный заводъ и бумажную фабрику. Крахмалъ, весьма нечистый, разсыпающійся въ мелкій порошокъ, добывается Китайцами изъ гороха помощью броженія.

Бумажное производство интересно по необычайной простотѣ устройства фабрики. Предъ домикомъ гдѣ дѣлается

360

бумага устроенъ крошечный конный приводъ, на которомъ помощію каменнаго валика перетираются на половину перегнившія цвѣтныя метелки камыша (Arando phragmetis); бурая масса получаемая послѣ размола сбрасывается въ яму находящуюся уже въ самомъ домикѣ и разбавляется водой; мальчикъ рабочій стоитъ въ другой ямѣ рядомъ съ первою и рѣшетчатымъ подносикомъ черпаетъ изъ жидкой грязи, въ которой смѣшаны мельчайшія растительныя волокна, осѣдающія на рѣшеткѣ въ видѣ тонкаго листа. Этотъ листъ тотчасъ же снимается и прилѣпляется къ наружной стѣнѣ дома для просушки. Бумага получается очень плохая, что̀ не мѣшаетъ ей однако быть во всеобщемъ употребленіи у туземцевъ даже для письма; правда, что для вычерчиванія крупныхъ китайскихъ знаковъ помощью кисточки и не требуется особенныхъ качествъ въ бумагѣ. Хозяинъ фабрики, грязный Китаецъ, очень любезно отнесся къ нашему посѣщенію и немедленно принесъ свою миніатюрную мѣдную трубочку,—первое непремѣнное угощеніе предлагаемое Китайцемъ своимъ гостямъ.

Въ Кульджѣ пришлось мнѣ познакомиться съ одною очень интересною личностью, именно Китайцемъ Янчи, перешедшимъ со всѣмъ своимъ семействомъ изъ католицизма въ православіе. Это очень умный и по-своему образованный человѣкъ, пользующійся репутаціей перваго ученаго своего околодка. На его рукахъ находятся теперь, въ качествѣ воспитанниковъ, двое молодыхъ людей, дѣтей семирѣченскихъ казаковъ, посланныхъ въ Кульджу по распоряженію губернатора Семирѣченской области для изученія китайскаго языка. Говорятъ они уже совершенно свободно, грамота же не дается имъ такъ легко; правда, немного они могутъ писать, но не настолько чтобъ умѣть составить всякую заданную фразу; они и не надѣются когда-нибудь изучить пресловутую премудрость заключающуюся въ сорока слишкомъ тысячахъ замысловатыхъ знаковъ. Главное затрудненіе они видятъ въ томъ что во многихъ случаяхъ одинъ и тотъ же звукъ изображается нѣсколькими различными, иногда цѣлыми десятками совершенно не похожихъ другъ на друга фигуръ, и чрезъ различныя изображенія пріобрѣтаетъ и различныя значенія; надо принять во вниманіе и то обстоятельство что гіероглифическіе знаки называемые китайскими буквами составлены нисколько не соображаясь съ произношеніемъ

ихъ и въ основаніи ихъ не лежитъ ни малѣйшаго признака системы. Слоги весьма близкіе одинъ къ другому или представляющіе сочетаніе различныхъ гласныхъ съ одною и тою же согласною пишутся совсѣмъ не похожими буквами; все это, понятно, представляетъ громадныя затрудненія даже для хорошей памяти, и въ этомъ заключается причина того что Китайцы насчитываютъ такъ мало грамотѣевъ между своими учеными. Общественные писцы Китайцевъ пишутъ по большей части совсѣмъ безграмотно. Говоръ Китайцевъ, переполненный носовыми гласными и чисто англійскими горловыми звуками, переняли ученики Янчи очень хорошо.

Какъ пестры по стилю постройки города Кульджи, такъ разнообразенъ и людъ двигающійся по его улицамъ; здѣсь ѣдетъ верхомъ Таранча, съ своею женой, посаженною на крупъ лошади, бредетъ Дунганъ, прищуривая и безъ того узкіе глаза; тамъ двигается голубая двуколесная каретка, съ холщевымъ навѣсомъ надъ лошадью,—это ѣдутъ Китайцы; на базарахъ встрѣтите характерныя лица кашгарскихъ Сартовъ, массы грязныхъ, тупыхъ Калмаковъ, нѣсколько Киргизъ, Татаръ, Авганцевъ, словомъ цѣлую коллекцію народностей, исключая Евреевъ и Индійцевъ, не пріютившися почему-то въ Илійской долинѣ.

Часть этихъ народовъ составляетъ пришлый элементъ, другая—туземный. Этотъ послѣдній представляетъ много интереснаго въ этнологическомъ отношеніи, и потому я привожу бѣглый очеркъ нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся типовъ этой категоріи.

Самымъ видным племенемъ по численности и по значенію въ экономическомъ отношеніи для Илійской долины являются въ настоящее время Таранчи, но не съ нихъ я начну свои замѣтки, а съ Дунганъ, народа почти совершенно не изученнаго съ этнографической точки зрѣнія и представляющаго еще много загадочнаго въ этомъ отношеніи.

Достовѣрно извѣстно что въ долину рѣки Или Дунгане пришли одновременно съ Китайцами, у которыхъ состояли на службѣ, слѣдовательно въ 1759 году; касательно же происхожденія ихъ существуютъ только легенды самихъ Дунганъ, относящіяся къ весьма отдаленнымъ временамъ; легенды эти были приведены, въ общихъ чертахъ, покойнымъ авторомъ *Очерковъ Семирѣчья*,* А. П. Хоротkинымъ, такъ

* Печатались въ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ* въ 1875 году.

что много новаго въ этомъ отношеніи я сообщить не могу; тѣмъ не менѣе я позволю себѣ изложить здѣсь обстоятельный разказъ объ интересующемъ насъ предметѣ, записанный мною на мѣстѣ.

Передаю эту легенду въ томъ видѣ и по возможности въ тѣхъ выраженіяхъ въ которыхъ слышалъ ее.

Во время царствованія богдыхана *Тан-ван* (оба звука носовые), Искандеръ Эулькарнайнъ * подошелъ къ Пекину, желая завоевать его; богдыханъ, узнавъ объ огромномъ войскѣ непріятеля, побоялся вступить въ бой и вечеромъ надѣвъ веревку на шею въ знакъ покорности явился съ двоими изъ своихъ приближенныхъ въ ставку Искандера, открылся ему и отдалъ себя и народъ свой его власти. На слѣдующій день Искандеръ съ торжествомъ вошелъ въ городъ, а войска свои размѣстилъ въ различныхъ городахъ и мѣстечкахъ Китая. Три года оставался Искандеръ въ Пекинѣ, потомъ, собравъ войска, пошелъ въ обратный путь; на границѣ Китая, въ горахъ, подошелъ онъ къ тому мѣсту гдѣ при вступленіи на Китайскую землю онъ велѣлъ каждому воину положить по камню, въ одну общую кучу; теперь онъ приказалъ взять каждому свой камень назадъ, чтобъ опредѣлить число убавившихся воиновъ. Когда это было исполнено, Искандеръ увидѣлъ что съ нимъ было только три четверти прежней его дружины, а четверть осталась у Китайцевъ. Узнавъ объ этомъ, Искандеръ сказалъ: оставшіеся пусть остаются. Остались тѣ изъ воиновъ Искандера которые переженились на Китаянкахъ и не захотѣли бросить свои семьи; они стали заниматься мелкою торговлей, преимущественно мясною. Эти ренегаты и суть отцы нынѣшнихъ Дунганъ.

Дунгане сохранили также нѣкоторыя легенды о наиболѣе выдающихся личностяхъ мусульманскаго Востока, но не прибавили никакихъ новыхъ богатырей изъ своего племени; Таранчи очень ѣдко замѣчаютъ что между Дунганами и не могло выработаться какого-нибудь богатыря, потому что отсталъ отъ войска Искандера конечно только самый дрянный народишко, не захотѣвшій взглянуть на родину. Про Тамерлана разказываютъ что онъ находился въ большой дружбѣ со вла-

---

* *Искандеръ двурогій*, прозвище Александра Македонскаго на Востокѣ.

дыкой Китая, взялъ за себя его дочь и увезъ ее въ Самаркандъ, гдѣ она и умерла, выстроивъ великолѣпный медрессе. *

Во времена китайскаго владычества въ Илійской долинѣ Дунгане принимались на службу въ пѣхотѣ, но до высокихъ чиновъ ихъ не допускали; все на что они могли разчитывать, было положеніе *юзъ-бога* (начальникъ сотни) и были при этомъ всегда подчинены китайскому начальнику. Понятно что находясь въ состояніи почти рабства у Китайцевъ Дунгане не могли выработать у себя никакихъ сословныхъ различій; всѣ они считались „черной костью“; въ этомъ угнетеніи заключается отчасти причина того что Дунгане такъ крѣпко держатся другъ за друга и не выдаютъ своихъ.

Недвижимой собственности въ Илійской провинціи Дунгане не имѣли (хотя имъ не воспрещалось пріобрѣтать ее покупкой) по причинѣ своей бѣдности; они были разбросаны семьями въ средѣ Китайцевъ и Таранчей; богатые Дунгане изрѣдка пріѣзжали въ Кульджу для торговыхъ оборотовъ изъ центральныхъ частей Имперіи, но жили обыкновенно не долго и избѣгали браковъ съ кульджинскими Дунганками.

Въ настоящее время Дунгане населяютъ прилегающія къ Таранчинской Кульджѣ мѣстечки Мазаръ и Чан-пан-дзи, окрестности Манджурской Кульджи, кенты: Суй-Дунъ, Тарджи, Чин-ча-хо-дзи и Лаоцугунъ; занимаются они главнымъ образомъ тѣмъ же чѣмъ по преданію занимались и предки ихъ, т-е. мелкимъ торгашествомъ и продажей мяса; есть между ними повара, держащіе рестораны, есть портные и саложники, есть огородники. Считаютъ теперь въ Кульджинскомъ районѣ слѣдующее количество семей:

въ Кульджѣ		125
„ Суй-Дунѣ		1013
„ Тарджи и окрестностяхъ Чаи-чаходзи		75
„ Лаоцугунѣ		21
	Итого	1.234 семьи.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на внутренній бытъ Дунганъ и посмотримъ насколько китайское вліяніе видоизмѣнило строгіе и стойкіе нравы мусульманъ.

---

* Медрессе *Хонымъ*, одинъ изъ самыхъ большихъ въ Самаркандѣ, съ замѣчательными инкрустаціями.

Первое что̀ ввели Китайцы между Дунганами, это свою одежду и языкъ; только немногіе Дунгане знаютъ языкъ Таранчей и всѣ они одѣваются въ чисто-китайскій костюмъ и носятъ косы; они брѣютъ бороды, чего никогда не дѣлаютъ мусульмане. Женятся Дунгане обыкновенно на Китаянкахъ, изъ бѣднаго класса, причемъ всегда обязываютъ жену принять религію Магомета, своихъ же дочерей Дунгане не отдаютъ за Китайцевъ. Причину этого надо искать въ различіи религіи, хотя, какъ сейчасъ увидимъ, Дунгане во многомъ утратили тотъ фанатизмъ съ которымъ относится правовѣрный къ исполненію предписаній Корана; Дунгане небрежно относятся къ омовеніямъ и намазамъ (молитвамъ), пренебрегаютъ обрѣзаніемъ и никогда не празднуютъ его; Таранчи разказывали мнѣ что можетъ-быть одинъ изъ десятка Дунганъ добросовѣстно относится къ исполненію обрядовъ своей религіи. Хотя Дунгане соблюдаютъ мусульманскіе посты и праздники, но въ то же время надѣваютъ новое платье и въ праздничные дни Китайцевъ, лѣтосчисленіе и календарь которыхъ они приняли. Погребальные обряды остались у Дунганъ мусульманскіе, но они ввели у себя также китайскій трауръ, выражающійся бѣлою повязкой на головѣ; предъ свадьбой не соблюдается обычай привозить невѣсту въ домъ жениха вечеромъ, послѣ молитвы. Дунгане не стѣсняются показывать своихъ женщинъ днемъ, потому что все равно онѣ всегда ходятъ открытыми. Раздѣлъ имущества между дѣтьми производится также по шаріату.

Таранчи упрекаютъ Дунганъ за то что они выучились у Китайцевъ пить водку и принимаютъ участіе въ китайскихъ играхъ (кумаръ). Кромѣ нѣкоторыхъ обычаевъ перенятыхъ у Китайцевъ, Дунгане выработали и свои собственные; къ числу таковыхъ принадлежитъ потѣшный обрядъ при рожденіи перваго сына, заключающійся въ томъ что отцу и тестю его вымазываютъ лицо сажей, увѣшиваютъ ихъ шнурками и бусами и возятъ по городу верхомъ на быкѣ.

Что касается устройства жилищъ, домашней утвари, пищи, то понятно все это перенято у Китайцевъ, хотя и тутъ проглядываетъ кое-гдѣ мусульманская складочка; такъ, напримѣръ, у яншая города Суй-Дуна, о которомъ я уже упоминалъ, живущаго въ китайскомъ домѣ, на одной изъ стѣнъ пріемной комнаты нарисованъ al fresco огромный пѣтухъ, конечно еще китайскимъ художникомъ; голова этого пѣтуха

закрыта лоскутками бумаги, съ какою-то выпиской изъ Корана, такъ какъ мусульмане не допускаютъ, даже считаютъ грѣховнымъ, изображеніе чего-либо живаго. По этому случаю приходится встрѣчать, напримѣръ, въ Ташкентѣ китайскія чашки и т. л. съ человѣческими фигурами у которыхъ самымъ невѣжественнымъ образомъ выскоблены лица. Насколько Дунгане прониклись духомъ Китайцевъ, показываетъ одно весьма много говорящее обстоятельство, что они рѣзали другъ друга и сами распарывали себѣ животы (чему есть очевидцы), когда вступали русскія войска въ дунганскіе города; одинъ изъ жителей города Суй-Дуна былъ схваченъ надъ теплыми трупами только-что зарѣзанныхъ имъ женъ и отца, когда онъ, по собственному признанію, хотѣлъ покончить съ собой.

Дунгане пользуются общею нелюбовью какъ Китайцевъ такъ особенно Таранчей; причина этому кроется, по всѣмъ отзывамъ, въ безпокойномъ, строптивомъ характерѣ Дунганъ. Когда они затѣяли возстаніе противъ Китайцевъ, миролюбивые Таранчи ничего объ этомъ не знали; мѣра которою Дунгане заставили ихъ принять участіе въ кровавой драмѣ не лишена интереса. Случилось это слѣдующимъ образомъ: наканунѣ мятежа, когда народъ разошелся по мѣстамъ для вечерней молитвы, Дунгане, небольшими партіями, ворвались въ домъ вліятельныхъ Таранчей (молившихся, какъ важныя особы, дома), объявили имъ о своемъ намѣреніи и приказали, подъ страхомъ немедленной смерти, въ теченіе ночи склонить народъ къ возстанію; пріемъ этотъ оказался дѣйствительнымъ; на утро Таранчи присоединились къ мятежникамъ.

Вотъ краткая характеристика Дунганъ, показывающая какую смѣсь мусульманства съ китаизмомъ представляетъ теперь эта народность. За послѣднее время, подъ вліяніемъ Таранчей, Дунгане, правда, начинаютъ вновь принимать утраченныя ими обычаи правовѣрныхъ; такъ у нихъ входитъ въ обыкновеніе надѣвать на голову чалму во время молитвы; пожилые Дунгане отпускаютъ себѣ бороды и т. п., но костюма оставить они не рѣшаются. Насколько они сохранили свой первоначальный арійскій типъ, послѣ такого тѣснаго и продолжительнаго смѣшенія съ монгольскою расой, остается до сихъ поръ открытымъ вопросомъ, котораго еще никто не касался, хотя онъ представляетъ большой

интересъ; къ сожалѣнію, не удалось и мнѣ сдѣлать изслѣдованій со стороны чистой антропологіи, необходимыхъ для вывода какихъ-либо заключеній, за неимѣніемъ съ собой нужныхъ измѣрительныхъ приборовъ, а достать черепа оказалось дѣломъ совсѣмъ невозможнымъ.

Но довольно о Дунганахъ; объ остальныхъ народностяхъ Илійской долины скажу въ двухъ, трехъ словахъ, такъ какъ онѣ далеко не имѣютъ такого интереса какъ Дунгане.

Съ небольшимъ сто лѣтъ тому назадъ довольно значительное число семей было выселено Китайцами въ долину рѣки Или, изъ предѣловъ нынѣшняго Кашгарскаго ханства; поселенцы получили на новыхъ мѣстахъ названіе Таранча, то-есть земледѣльцы, пахари. Китайцы поселили ихъ главнымъ образомъ для того чтобъ имѣть руки для обработки плодородныхъ, но мало населенныхъ земель по берегамъ Или; выбраны были для переселенія тѣ семьи на которыя падало подозрѣніе въ возбужденіи мятежа 1765 года; такимъ образомъ отправка ихъ въ Илійскую провинцію имѣла характеръ ссылки. Вновь пришедшимъ отвели земли по восточной и южной границамъ провинціи, гдѣ Таранчи живутъ и до сихъ поръ; впрочемъ они заняли также мѣстечко Мазаръ, лежащее въ западной части Илійской долины. Вновь занятые участки покрылись садами; по дорогѣ отъ города Кульджи до рѣки Каша и даже за нее, куда ни окинуть глазами, вездѣ разсыпаны оазисы пирамидальныхъ тополей и карагача, окружающіе таранчинскія села; этотъ участокъ заселенъ довольно густо, часто попадаются пашни, хорошо снабженныя водой. Другой рядъ таранчинскихъ селеній тянется вдоль предгорій отрога Тянь-Шаня.

Подъ гнетомъ китайскаго владычества, Таранчи должны были выказывать самую раболѣпную покорность своимъ притѣснителямъ и часто не могли разчитывать даже на свою собственность; такъ мнѣ разказывали Таранчи что нерѣдко китайскій чиновникъ или офицеръ, при встрѣчѣ Таранча на хорошей лошади, отбиралъ ее себѣ, а хозяина отпускалъ пѣшкомъ. При встрѣчѣ Таранча обязанъ былъ за нѣсколько шаговъ сойти съ лошади и кланяться, какъ требовалъ этикетъ; это Таранчи и до сихъ поръ дѣлаютъ, конечно добровольно, предъ уважаемыми ими Русскими.

Вскорѣ послѣ того какъ вмѣстѣ съ Дунганами Таранчи сокрушили китайское иго, они обратили оружіе противъ Дун-

ганъ. Подавленные численностью враговъ, Дунгане должны были уступить политическое первенство. Таранчи избрали изъ своей среды султана *, но недавніе рабы, не привыкшіе къ самоуправленію, взялись неумѣлыми руками за дѣло государственнаго хозяйства; постоянныя распри ихъ съ безпокойными Дунганами окончились только по занятіи Илійской долины Русскими; эти два племени и теперь не любятъ другъ друга. Дунгане дали Таранчамъ прозвище *ягачъ-кулакъ*, то-есть деревянныя уши, намекая этимъ будто бы на глупость Таранчей.

По словамъ барона Каульбарса **, Таранчи считаютъ новую эру со времени освобожденія своего изъ-подъ китайскаго ига.

Бѣдные при Китайцахъ отъ непосильныхъ поборовъ Таранчи быстро поправляются теперь, чему помогаютъ громадныя пахатныя поля которыми они располагаютъ; весь хлѣбъ Кульджинскаго района выращивается Таранчами, которые получаютъ сравнительно хорошіе барыши, продавая его въ китайскіе города, лежащіе по Урумчинской дорогѣ. Закупка Китайцами хлѣба у Таранчей происходитъ оттого что окрестности поселеній Ши-Хо и Джин-Хо (по дорогѣ на Манасъ и Урусичи) находится въ котловинѣ озера Эби-Нора, совершенно безплодной по причинѣ песчаной, отчасти же болотистой почвы; такимъ образомъ Китайцы съ этой стороны находятся настолько же въ зависимости отъ нашего хлѣба, насколько Бухарцы отъ нашей воды.

Дома Таранчей отличаются отъ дунганскихъ своимъ мусульманскимъ характеромъ, хотя не лишены нѣкоторыхъ китайскихъ прибавленій. Земледѣльческія орудія Таранчей тѣ же что у нашихъ Сартовъ, исключая бороны, состоящей изъ деревяннаго станка заплетеннаго вѣтками; Таранча ѣздитъ по пашнѣ стоя на такой плетенкѣ. Изъ домашней утвари особенность представляютъ только ковши, сдѣланные изъ тыквы горлянки; въ тыквѣ вырѣзается круглое отверстіе и вычищается внутренность; длинное горлышко этихъ тыквъ въ 1 и $1^1/_2$ фута служитъ рукояткой.

Таранчи имѣютъ своихъ святыхъ въ Кульджинскомъ районѣ; на могилахъ ихъ (мазарахъ) высятся болѣе или менѣе

---

* Абиль-Огля; живетъ теперь въ городѣ Вѣрномъ.

** См. *Матеріалы для статистики Туркестанскаго края*, выпускъ III, 1874 года, стр. 148.

красивыя зданія съ мавританскимъ куполомъ. Одна изъ наиболѣе уважаемыхъ могилъ, скрывающая въ себѣ останки знаменитаго Хальпе, находится въ Арустанѣ, недалеко отъ береговъ рѣки Каша. Потомокъ его, если не ошибаюсь, сынъ, имѣетъ богатыя помѣстья въ этой мѣстности и занимаетъ почетную должность главы мѣстнаго духовенства; онъ приходится дядей эксъ-султану Абиль-Огля и былъ его совѣтникомъ. Знакомствомъ съ этою почтенною и интересною личностью я обязанъ гостепріимству В. К. фонъ-Г., много способствовавшему ознакомленію моему съ Кульджинскимъ райономъ.

Таранчи по наружности отличаются отъ нашихъ Сартовъ только нѣсколько бо́льшею угловатостью формъ лица; что касается моральной стороны, то они стоятъ гораздо выше послѣднихъ. Судя по всѣмъ разказамъ, это народъ сравнительно честный и кроткій; Таранчи не употребляютъ запрещенныхъ Кораномъ одуряющихъ напитковъ и даже не курятъ; это положительно лучшая народность Кульджинскаго района.

Третье осѣдлое племя береговъ Или принадлежитъ къ монгольской расѣ, называется Шибе, а у Русскихъ Сибо. Представьте себѣ длинное, скуластое лицо желтаго цвѣта, съ прищуренными глазами, косу на бритой головѣ, худое тѣло одѣтое въ китайскій костюмъ, пропитайте все это грязью и запахомъ чеснока, и предъ вами будетъ непривлекательная фигура Сибинца. Въ китайскомъ войскѣ они составляли легкую кавалерію и вполнѣ переняли отъ бывшихъ повелителей безжизненную чванную осанку, чему, впрочемъ, не мало способствуетъ тупоумное выраженіе глазъ Сибо. Пройдя въ долину Или въ качествѣ одной изъ составныхъ частей китайскаго войска, Сибо представляли собою сословіе исключительно военное, находившееся на жалованьи; теперь они обратились въ земледѣльцевъ, воздѣлываютъ хлѣба, рисъ и въ небольшомъ количествѣ хлопокъ, занимаются также самымъ примитивнымъ способомъ шелководствомъ. Сибо славятся какъ ткачи *маты* (хлопчатобумажная матерія), которая на Кульджинскомъ базарѣ продается по высшей противъ кашгарской цѣнѣ; многіе занимаются также плотничнымъ и столярнымъ дѣломъ, и для заработковъ ходятъ по городамъ; въ старыя времена у нихъ были заводы

дэсунъ-дэсуна (китайская водка), отъ употребленія котораго они, кажется, не отказываются и теперь. Не смѣшиваясь съ другими народностями, живетъ этотъ апатичный грязный народъ въ нѣсколькихъ селеніяхъ по лѣвому берегу Или, изъ которыхъ главнымъ считается Коджугуръ, а также и въ Алимту, по Борохудзирской дорогѣ. Въ этихъ мѣстахъ слышится манчжурская рѣчь и Будда принимаетъ благовонныя жертвы.

О кочевникахъ я распространяться не буду, потому что сухой перечень ничего не говорящихъ названій, въ родѣ Цахаровъ, Хошатовъ, Шименги, Хушиенги и т. п., не представляетъ интереса, а больше сообщать о нихъ и нечего, развѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, неточныя цифры ихъ кибитокъ; кромѣ того, ихъ почти и нѣтъ въ долинѣ Или; кочуютъ эти по большей части джунгарскія племена въ горныхъ долинахъ и степяхъ, окружающихъ описываемую мѣстность.

Илійская провинція служила мѣстомъ ссылки китайскихъ преступниковъ, эти несчастные, носившіе имя *чанъ-фанъ*, представляли собою замѣчательный примѣръ искаженія человѣческой природы, происшедшаго вслѣдствіе полнѣйшаго отчужденія отъ общества въ смыслѣ моральномъ. Селились эти ссыльные по деревнямъ лежащимъ по дорогѣ отъ крѣпости Монаса до Сайрамъ-Ноора, но жили вѣроятно и по берегу Или; по крайней мѣрѣ въ пользу этого предположенія говоритъ названіе селенія *чанъ-панъ-дзи*, лежащаго подъ самою Кульджей. Съ клеймомъ на щекѣ, изображающимъ родъ преступленія за которое пострадалъ каждый изъ нихъ, отверженные и даже гонимые всѣми, *чанъ-фаны* показывались въ городахъ и деревняхъ только въ необходимыхъ случаяхъ; презрѣніе которое они читали на всѣхъ лицахъ, сознаніе отвращенія внушаемаго ими, сдѣлали ихъ не только нелюдимыми, но даже дикими. По общимъ отзывамъ туземцевъ, *чанъ-фаны* нерѣдко доходили до каннибализма; печень и легкія считались деликатесомъ; говорятъ что при удобномъ случаѣ *чанъ-фаны* не затруднились убить кого-нибудь изъ своихъ гонителей и потомъ его же тѣломъ отпраздновать кровавую месть.

Брошенные на произволъ судьбы, лишенные всякихъ средствъ къ пропитанію, *чанъ-фаны* вышли побѣдителями изъ этой борьбы за существованіе; они выработали изъ себя

хорошихъ мастеровъ ло различнымъ ремесламъ. Дунгане, во время рѣзни 1864 года, заставили чанъ-фановъ испытать участь остальныхъ Китайцевъ и теперь сознаютъ что лоторопились и не зная сами такихъ ремеслъ лишились нужныхъ для нихъ мастеровъ и учителей. Многіе чанъ-фаны занимались тайною и весьма мелочною добычей золота изъ окрестныхъ горъ (запрещенною китайскимъ правительствомъ) и отлично знали мѣсторожденія этого металла.

Теперь доживаютъ свой несчастный вѣкъ, въ сравнительно лучшей обстановкѣ, уцѣлѣвшіе отъ рѣзни, 5—6 человѣкъ этихъ исковерканныхъ жизнью индивидуумовъ, представляющихъ психологамъ замѣчательный предметъ для изученія.

Небольшое количество оставшихся въ Кульджѣ Китайцевъ содержатъ различные заводы, ювелирныя лавки и аптеки; эти послѣднія очень интересны ло декоративной обстановкѣ, которую всегда стараются придать своей лавченкѣ величавые мудрецы Небесной Имперіи. На первомъ планѣ непремѣнно красуются какіе-нибудь странные предметы: всевозможные рога, уродливые, большіе корни Богъ вѣсть какихъ растеній, филинъ повѣшенный за одну ногу съ распущенными крыльями и т. п. Хозяева этихъ кабинетовъ рѣдкостей съ великимъ апломбомъ продаютъ множество „секретныхъ средствъ“, оплачиваемыхъ часто очень дорого, и, будь у нихъ газеты, навѣрно не отстали бы отъ Европейцевъ въ витіеватыхъ рекламахъ о различныхъ спеціальныхъ и универсальныхъ средствахъ.

Пришлый этнографическій элементъ въ Илійской долинѣ представляетъ, какъ уже уломянуто, разнохарактерную смѣсь, толпящуюся на городскихъ базарахъ и занимающуюся различными спекуляціями; самую видную роль въ этой пестрой толпѣ играютъ кашгарскіе Сарты и Татары, торгующіе преимущественно русскимъ краснымъ товаромъ.

V.

Домашній скотъ и поля Илійской долины.—Горящая гора.

Изъ бѣглаго обзора племенъ населяющихъ долину Или, изложеннаго въ предыдущихъ строкахъ, читатели видѣли что самое видное мѣсто принадлежитъ Таранчамъ, занятіе которыхъ, земледѣліе, является также наиболѣе характери-

371

стическимъ для описываемой территоріи. Полагаю что нѣсколько словъ о сельскомъ хозяйствѣ Таранчей будутъ имѣть свой интересъ. Остановлюсь главнымъ образомъ на скотоводствѣ Таранчей, по той причинѣ что крупный скотъ Кульджинскаго района представляетъ нѣкоторыя отличія отъ нашего туркестанскаго и несетъ отчасти иную службу.

Путнику проѣзжающему изъ Ташкента до Вѣрнаго попадаются на глаза три различные типа крупнаго рогатаго скота; оставивъ за собой тонконогихъ, сухоголовыхъ коровъ, тила индійскаго зебу, въ степяхъ окружающихъ рѣку Чу, онъ встрѣтитъ стада безобразныхъ, коротконогихъ лохматыхъ животныхъ, принадлежащихъ Семирѣченскимъ Киргизамъ, наконецъ въ казачьихъ станицахъ, близъ города Вѣрнаго, явится прекрасный, сравнительно массивный скотъ, формами своими напоминающій болѣе или менѣе облагороженный тилъ нашихъ городскихъ коровъ. Онѣ настолько отличаются отъ другихъ степныхъ породъ что съ перваго раза думается, не заводскія ли это коровы? Затѣмъ можно убѣдиться что тотъ же самый скотъ идетъ и далѣе на востокъ, населяя долину Или. Особенно замѣтны своимъ крупнымъ ростомъ и массивнымъ туловищемъ, поддерживаемымъ короткими, крѣпкими ногами, волы, на которыхъ совершается въ названныхъ мѣстахъ движеніе почти всѣхъ обозовъ. Характеръ моего очерка не позволяетъ мнѣ касаться спеціальныхъ разсужденій по поводу этой прекрасной расы, поэтому я приведу здѣсь только общія характерныя стороны ея, которыя могли бы дать идею о свойствахъ илійскаго скота.

Какъ уже сказано обозы передвигаются посредствомъ воловъ, волы же впрягаются въ плугъ, они же часто служатъ и для верховой ѣзды. Сравнительная бѣдность въ лошадяхъ и почти полное отсутствіе верблюдовъ въ степяхъ по рѣкамъ Чу и Или кидается въ глаза послѣ степей Сыръ-Дарьинской области; работаетъ почти одинъ рогатый скотъ. Воловъ куютъ маленькими, легкими подковами, состоящими изъ двухъ половинокъ; для ковки животное валятъ на землю и связываютъ ноги. Запрягаются волы въ небольшія арбы съ такимъ же тяжелымъ ярмомъ изъ цѣльнаго бревна какъ и въ Туркестанѣ; грузъ вѣситъ обыкновенно пудовъ 30, и съ этою кладью волы идутъ по ровной мѣстности верстъ 20—25 въ сутки, но въ горахъ эта дистанція сокращается до 7 и даже до 6 верстъ.

372

Съ вьюкомъ на спинѣ, обыкновенно въ двѣнадцать пудовъ, волы проходятъ нѣсколько болѣе, а подъ верхомъ, причемъ они сѣдлаются какъ лошади, дѣлаютъ верстъ до сорока въ сутки. Интересно что подъ Киргизами попадаются нерѣдко бычки и волы съ торопливымъ и довольно скорымъ аллюромъ; это родъ переступи, смахивающій не то на иноходь, не то на знаменитую переступь степныхъ лошадей. При верховой ѣздѣ волъ управляется веревкой привязанною къ кольцу продѣтому сквозь ноздри. Рабочіе волы Кульджинскаго района обыкновенно крупнѣе быковъ, достигаютъ они иногда весьма большихъ размѣровъ, такъ въ моихъ замѣткахъ по измѣреніямъ илійскаго рогатаго скота значится одинъ экземпляръ имѣющій въ длину (отъ носа до крайняго выступа сѣдалищной кости) 4 арш., и 5 вершк. при высотѣ въ 1 арш. $15^1/_4$ вершк. Надо впрочемъ замѣтить что такое животное представляетъ нѣкоторую рѣдкость; этотъ волъ отличается особенною величиной и силой; онъ возитъ 50 пудовъ клади и былъ купленъ настоящимъ его хозяиномъ за 70 руб., тогда какъ обыкновенная цѣна за рабочаго вола колеблется въ Кульджѣ отъ 40 до 55 руб. Таранчи кастрируютъ бычковъ въ трехъ-или четырехлѣтнемъ возрастѣ, съ этого же времени волы начинаютъ свою службу, сначала легкую, подъ сѣдломъ или на пристяжкѣ; обыкновенно только въ 8 лѣтъ волъ считается достигшимъ полнаго развитія и впрягается въ воза; эту тяжелую службу волы несутъ лѣтъ до 20, послѣ чего откармливаются моченымъ горохомъ и т. п. и продаются на мясо, причемъ цѣна можетъ доходить до 30 рублей.

Апрѣль, май и іюнь мѣсяцы ходятъ таранчинскія стада въ полѣ, пригоняясь ежедневно на ночь домой, а съ іюля выгонъ совсѣмъ прекращается, потому что къ этому времени уже сняты хлѣба и скотъ нуженъ для молотьбы или вѣрнѣе для вытаптыванія зерна ногами; цѣны на коровъ у Таранчей не высоки; хорошую корову съ теленкомъ продаютъ за 14—15 рублей; быки идутъ по той же цѣнѣ.

Корова безъ теленка почти немыслима въ хозяйствѣ Таранчи, также какъ и у другихъ туземцевъ нашихъ среднеазіятскихъ владѣній, потому что они не умѣютъ доить корову безъ того чтобы не припустить сперва теленка. Это обыкновеніе доставляетъ много хлопотъ русскимъ покупателямъ мѣстныхъ коровъ, такъ какъ пріучить корову доиться безъ помощи теленка оказывается дѣломъ совсѣмъ

373

не легкимъ; обыкновенно достигаютъ этого тѣмъ что ставятъ грубо сдѣланное чучело теленка, которое корова начинаетъ лизать, и тогда уже даетъ молоко.

Молочность коровъ Семирѣчья и Кульджинскаго района не велика; обыкновенно они даютъ молока немногимъ болѣе полведра, но есть коровы которыя даютъ и по цѣлому ведру. Оригинально что туземныя коровы, попавъ на болѣе обильный кормъ, напримѣръ сѣно вмѣсто соломы, на время не только убавляютъ, но даже совсѣмъ прекращаютъ выдѣленіе молока; въ послѣдствіи молоко получается лучшаго качества.*

Мелкій рогатый скотъ Илійской долины не представляетъ никакихъ отличій отъ нашего туркестанскаго; овцы тѣ же „курдюки“, мясо ихъ находится и здѣсь во всеобщемъ употребленіи туземныхъ мусульманъ. Мясниками же, какъ упомянуто, являются главнымъ образомъ Дунгане; въ общей сложности баранъ даетъ мяснику больше барыша чѣмъ волъ. На хорошихъ пастбищахъ бараны наѣдаютъ курдюкъ вѣсомъ въ 40 и 50 джиновъ.** Хорошій экземпляръ даетъ съ себя около одного джина шерсти; продаются овцы рубля по 3, 4, откормленныя по 5, 6.

Таранчи говорятъ что въ снѣжные годы падаетъ много овецъ отъ болѣзни, которую они называютъ „котуръ“ (парша?); о вертежѣ я не могъ получить никакихъ свѣдѣній. Изъ овчинъ Таранчи дѣлаютъ шубы и одѣялы, изъ шерсти валяютъ кошмы (войлоки).

Козъ держатъ Таранчи въ незначительномъ количествѣ, употребляя шкуры ихъ на изготовленіе халатовъ, чембаръ (кожаные шаровары), сапогъ и т. п. Стоимость козы 2 руб. 50 коп.

Верблюдовъ крайне мало въ долинѣ Или и понятно что въ нихъ нѣтъ особенной надобности въ странѣ гдѣ почти всѣ торговые пути переваливаютъ черезъ горные проходы. Часто караваны, идущіе напримѣръ черезъ Тянъ-Шань, состоятъ почти исключительно изъ лошадей. Въ горахъ верблюды до того отталтываютъ себѣ ноги что не могутъ идти

---

* Таранчи умѣютъ опредѣлять года коровъ по зубамъ, хотя не такъ точно какъ это дѣлается у лошадей; они судятъ по большей или меньшей степени изношенности рѣзцовъ, но не могли указать мнѣ ясныхъ признаковъ, такъ что очевидно для подобнаго распознаванія нужна большая практика и наметка глаза.

** Китайскій джинъ=почти 1¼ русскимъ фунтамъ.

дальше; это заставляетъ Киргизовъ кочующихъ въ окрестностяхъ Илійской долины дѣлать имъ особаго рода ботинки: берутъ круглый кусокъ кожи, кладутъ на него кусокъ сала и пришиваютъ его черезъ край къ подошвѣ животнаго. Эта первобытная операція нисколько не мѣшаетъ верблюду продолжать путь. Всѣ верблюды Кульджинскаго района двугорбы; цѣнятся они рублей по 60.

Лошади Кульджинскаго района, также какъ и коровы, одинаковы съ семирѣченскими и отличны отъ туркестанскихъ; онѣ приземисты, широки, крѣпки, часто имѣютъ хорошіе аллюры; они во многомъ напоминаютъ сибирскихъ лошадей.

Татгоуты, кочующіе по долинамъ обоихъ Юльдузовъ, имѣютъ особыхъ сухихъ, лоджарыхъ лошадей, представляющихъ собою мѣстную скаковую породу. Лошади эти сильны и, судя по формамъ, должны обладать значительною рѣзвостью.

Я не могу пока сказать съ увѣренностью къ какимъ расамъ должны мы отнести лошадей и коровъ Семирѣчья и Илійской долины, за неимѣніемъ еще достаточнаго количества череповъ и измѣреній тѣлъ тѣхъ и другихъ; но не теряю надежды представить современемъ доказательство близкаго родства этихъ типовъ съ западно-сибирскими, рѣзко отличающимися отъ другихъ степныхъ типовъ. Домашній скотъ представляетъ путешественнику часто весьма большія затрудненія для изученія его; главная трудность заключается въ добросовѣстномъ опредѣленіи кореннаго типа, иногда очень затемненнаго совершенно посторонними примѣсями. Распознать все это въ короткій срокъ выпадающій обыкновенно на долю путешественника, положительно невозможно, дай Богъ только собрать матеріалъ для изученія. Въ этомъ кроется причина почему мы такъ мало знаемъ о домашнихъ животныхъ различныхъ народовъ, а вопросъ этотъ стóитъ того чтобы на него обратили вниманіе наши путешественники.

Не останавливаясь на ослахъ и мулахъ Кульджинскаго района, я перехожу къ свиньямъ, которыя разводятся на берегахъ Или племенемъ Сибо, такъ какъ буддійскіе законы не запрещаютъ употреблять ихъ въ пищу. Но не здѣсь представляютъ эти животныя интересъ, а въ станицахъ Семирѣченскихъ казаковъ; казаки часто достаютъ изъ горъ кабанятъ, которые скоро ручнѣютъ и спариваются съ домашними свиньями. Эта метисація имѣла слѣдствіемъ то что

между обыкновенными, нѣсколько вислоухими, по большей части пестрыми свиньями, похожими на нашихъ чудскихъ, ходятъ черныя, съ длиннымъ чисто кабаньимъ рыломъ и всегда съ торчащими къ верху ушами. Этихъ послѣднихъ kazaki особенно любятъ и стараются браковать вислоухихъ и отмастковъ на томъ основаніи что „свинья жретъ всякую дрянь, а кабанъ животное чистое, кромѣ хлѣба и картошки ничего не проситъ“; ясно что современемъ свиньи „кабаньяго рода“, какъ выражаются kazaki, должны совсѣмъ вытѣснить обыкновенныхъ домашнихъ свиней. Я привожу этотъ фактъ какъ примѣръ того въ какой зависимости могутъ находиться расы домашнихъ животныхъ отъ предразсудковъ, вкусовъ и т. п. племени которое ихъ культивируетъ.

Изъ домашнихъ птицъ обитатели долины Или держатъ куръ, гусей и утокъ. Эти послѣднія представляютъ то интересное явленіе что за крайне рѣдкими исключеніями сами не высиживаютъ яицъ; забота эта предоставляется обыкновенно курамъ, между которыми встрѣчается весьма оригинальная по наружности порода, оставшаяся еще отъ временъ китайскаго владычества. Рисунки и описаніе представителей этой породы сообщены мною въ одно изъ періодическихъ изданій; здѣсь же я упомяну только что эти куры представляютъ собою бойцовую расу; онѣ велики ростомъ и отличаются совершенно голою, красною головой и глоткой. Привезены онѣ изъ центральныхъ частей Китая и, какъ кажется, не достаточно акклиматизовались въ Кульджинскомъ районѣ, на что̀ указываетъ большой процентъ болтуновъ въ яицахъ. Для боевъ держатся въ полудомашнемъ состояніи также перепела и куропатки, достигающіе иногда высокихъ цѣнъ. Таранчи держатъ много дикихъ, прирученныхъ гусей, встрѣчаются также крупные домашніе гуси съ шишками на носахъ, оставшіеся опять-таки послѣ Китайцевъ.

Чтобы покончить съ домашними животными Илійской долины, я упомяну здѣсь и о шелковичномъ червѣ, культурой котораго занимаются теперь Сибо, на лѣвомъ берегу Или. Оригинально что Китайцы, внесшіе въ эти мѣста шелководство, не привезли съ собою никакихъ машинъ для размотки шелка; вслѣдствіе этого коконы являлись ненужною вещью, шелководство получило совершенно своеобразное направленіе, какое развѣ могло оно имѣть у того первобыт-

наго племени которое впервые вздумало обратить въ пользу продуктъ шелковичнаго червя.

Сибинцы пускаютъ своихъ червей ползать по полу, устланному листами бумаги, которая и затягивается ими довольно толстымъ пухлымъ слоемъ шелка; въ результатѣ получается нѣчто въ родѣ листовой ваты, состоящей изъ перекрещивающихся по всевозможнымъ направленіямъ шелковыхъ нитей. * Пласты такой сырцовой ваты употребляются туземцами для подбоя халатовъ и цѣнятся очень дешево. Таранчи также пробовали заняться шелководствомъ, но въ этомъ имъ сильно мѣшаетъ, во-первыхъ, совершенное незнакомство съ дѣломъ, во-вторыхъ, почти полная безвыгодность его, такъ какъ то малое количество ваты которое они получаютъ отъ своихъ червей едва можетъ удовлетворять потребностямъ домашняго обихода. Еслибы Таранчи вздумали серіознѣе заняться раціональнымъ червоводствомъ, то имъ представилось бы громадное затрудненіе въ томъ обстоятельствѣ что сами они не имѣютъ понятія о размоткѣ коконовъ, а сбывать ихъ некуда, такъ какъ въ Кульджинскомъ районѣ и въ Семирѣчьѣ шелководство только-что зараждается благодаря заботамъ мѣстной администраціи и нѣтъ еще ни одной шелкомотальни. Съ цѣлью способствовать введенію этой выгодной отрасли промышленности у Таранчей, въ городѣ Кульджѣ заведена уже образцовая червоводня, а въ текущемъ году устроится по всѣмъ вѣроятіямъ небольшая шелкомотальня. Климатическія условія Илійской долины весьма благопріятны для разведенія шелковичныхъ червей, въ тутовыхъ деревьяхъ недостатка нѣтъ, надо надѣяться что шелководство найдетъ себѣ мѣсто между занятіями Таранчей.

Дикій шелкопрядъ, для изслѣдованія котораго я былъ командированъ, оказался разновидностью одной европейской бабочки (Bombyx castrensis Z); мелкіе и слабые коконы ея не годны для размотки и сдается что насѣкомое это не найдетъ себѣ приложенія къ техникѣ по причинѣ нѣкоторыхъ довольно серіозныхъ затрудненій представляющихся въ культурѣ; они изложены подробно въ моемъ отчетѣ.

Сѣмена этой бабочки привезены мною въ Ташкентскую

---

* Есть основанія предполагать что и въ нѣкоторыхъ центральныхъ частяхъ Китайской Имперіи шелководство ведется точно такимъ же способомъ.

школу шелководства, гдѣ и будутъ произведены опыты культуры новаго шелкопряда.

Взглянемъ теперь на посѣвныя поля Таранчей.

Въ Кульджинскомъ районѣ принята та же система орошенія земли что̀ и въ Туркестанѣ. Двѣ огромныя ирригаціонныя канавы, чуть не двѣ рѣки, проведены вдоль долины Или; безчисленными мелкими канавками изливаютъ онѣ свои воды на поля и огороды. Канавки (арыки) очень длинны; онѣ тянутся, сколько помнится, одна на девяносто, а другая на сто верстъ съ чѣмъ-то. Канава праваго берега Или, отведенная изъ рѣки Каша, носитъ названіе арыка Агустанъ; на лѣвомъ берегу протекаетъ большой Сумунскій арыкъ. Въ верховьяхъ Или находится третій большой арыкъ Ташъ-Устанъ, берущій начало изъ рѣки Текеса. Селенія лежащія выше арыковъ, близь предгорья, пользуются водою изъ рѣчекъ и ручьевъ сбѣгающихъ съ горъ. Въ общемъ долина Или очень богата водою, что̀ сразу бросается въ глаза послѣ Туркестанскихъ степей.

Огородничествомъ занимаются преимущественно Дунгане, какъ напримѣръ подъ Суй-Дуномъ и въ окрестностяхъ Манджурской Кульджи. Огороды ихъ представляютъ собою небольшіе участки, довольно небрежно обработанные. Растенія воздѣлываемыя на небольшихъ грядкахъ не отличаются большимъ разнообраніемъ; главную массу составляютъ лахучія травы для приправы кушаньевъ и лукъ или чеснокъ, безъ которыхъ кажется немыслимъ ни одинъ дунганскій обѣдъ. Къ числу огородныхъ растеній надо отнести и макъ, имѣющій огромное значеніе для обитателей Илійской долины, такъ какъ они добываютъ изъ него опіумъ. Кажется прежде занимались этимъ дѣломъ только Китайцы и Дунгане, теперь же посѣвы мака видны вездѣ и у Таранчей и даже у Калмыковъ; въ Акъ-Кентскомъ лѣсу попадаются площадки заросшія яркими цвѣтками мака. Несмотря на мѣры принимаемыя мѣстною администраціей, куреніе опіума повидимому начинаетъ пускать глубокіе корни, и торговля имъ усиливается. Для сбора опіума идутъ въ поле два работника: одинъ изъ нихъ крошечнымъ серпомъ дѣлаетъ царапины на свѣжихъ головкахъ мака, а другой снимаетъ пальцемъ выступающее бѣлое молочко и собираютъ его въ роговой стаканчикъ. Въ мою бытность въ Кульджѣ начали надрѣзать макъ 11, 12 іюня, а 15 числа предлагали уже готовый опіумъ.

378

Таранчинскія поля также не щеголяютъ тою обработкой, которая поражаетъ путешественника напримѣръ у Бухарцевъ, Коканцевъ и Туркменъ; поземельная мѣра у Таранчей осталась китайская, то-есть размѣръ участка извѣстною единицей посѣва, такъ-называемымъ *хо* * (150 фунт.). Этимъ количествомъ зерна засѣвается пространство равное почти половинѣ нашей десятины. Главнымъ образомъ сѣется Таранчами пшеница озимая и яровая; первая даетъ весьма различные урожаи, смотря по грунту, доходящіе до самъ двѣнадцать. Яровая пшеница сѣется, какъ и въ другихъ мѣстахъ, на неорошаемыхъ участкахъ, обыкновенно въ предгорьяхъ, даетъ урожай до самъ-двадцать. Въ мою бытность въ Кульджинскомъ районѣ, пшеница на тарачинскихъ поляхъ имѣла весьма хорошій видъ, урожай былъ хорошъ и ожидалось что базарная цѣна ей будетъ копѣекъ 20 за *хо*; въ плохіе года стоимость ея возрастаетъ до 15, 16 коп. за пудъ. Ячмень, родящійся обыкновенно самъ-пятъ, самъ-шестъ, продавался при мнѣ по 15 коп. за пудъ; говорятъ что цѣна на него падаетъ иногда до семи копѣекъ за то же количество. Таранчи засѣваютъ также овесъ, называя его татарскимъ именемъ *сулу*; родится онъ до самъ-десять; базарная цѣна на него отъ 8 до 15 коп. за *хо*.

Дунгане и Китайцы воздѣлываютъ также рисъ, а Сибинцы и хлопокъ; вотъ главныя культурныя растенія Илійской долины, объ остальныхъ можно не распространяться, какъ занимающихъ второстепенное мѣсто.

Сады представляютъ въ общемъ то же что̀ и туркестанскіе; плоды, насколько мнѣ пришлось познакомиться съ ними, не особенно разнообразны и кажется вкусомъ уступаютъ туркестанскимъ; лучшими считаются суйдунскіе. Интересъ представляютъ только плоскіе китайскіе персики съ плоскою же косточкой.

Указанныя мною цѣны на хлѣба въ Кульджинскомъ районѣ, несмотря на свою незначительность, все-таки гораздо выше бывшихъ до прихода Русскихъ въ долину Или; такъ по

---

* Привожу здѣсь табличку вѣсовыхъ мѣръ у Китайцевъ.

хо = 100 джинамъ (1½ фунта), джинъ = 16 ланъ (саръ по-тарачински), ланъ = 20 чань (мискаль), чань = 10 фынъ. Линейныя мѣры у Китайцевъ слѣдующія: Ли = 100 джанъ, джанъ = 10 чи-чи, (7 вершковъ), чи = 10 сонъ.

Пять чи считается среднимъ ростомъ человѣка.

свѣдѣніямъ доставленнымъ барономъ Каульбарсомъ, въ 1870 году 100 джиновъ ячменя продавались за 12 коп. сер., 100 сноловъ люцерны стоили отъ 20 до 50 коп., пудъ каменнаго угля 1 к. с., а на копяхъ давали 40 пудовъ за 10 коп. сер., курица стóитъ теперь 3, 4 коп., а прежде продавалась за одну коп. и т. п. Нѣтъ сомнѣнія что дешевизна продуктовъ стоитъ въ прямой зависимости отъ незначительнаго вывоза ихъ изъ страны.

Въ заключеніе моихъ замѣтокъ я сообщу нѣсколько словъ касательно горящей горы Кульджинскаго района. Года два тому назадъ въ печати появилось извѣстіе о существованіи здѣсь *сольфатары*, извергающей даже до настоящаго времени пламя; странно звучало извѣстіе о вулканѣ въ центральныхъ частяхъ огромнаго материка, тѣмъ не менѣе, извѣстіе это заинтересовало публику и вызвало многочисленные pro и contra. Справедливость сообщенія опровергалась печатно же лицомъ компетентность котораго слишкомъ извѣстна чтобы вызвать какое-нибудь сомнѣніе, видѣвшимъ въ жарѣ и пламени горы только слѣдствіе горѣнія подземныхъ пластовъ каменнаго угля. Нисколько не сомнѣваясь въ вѣрности такого объясненія, я все-таки хотѣлъ посмотрѣть на новое для меня явленіе и потому сдѣлалъ экскурсію на пресловутую гору, находящуюся всего верстахъ въ 40 отъ города Кульджи.

Дорога шла сначала по почтовому тракту до развалины Баяндая, откуда круто сворачивала почти прямо на сѣверъ, къ предгорьямъ Боро-Хоро. Эти предгорныя массы, выступающія большимъ клиномъ между рѣками Талки и Пиличи-Су, скрываютъ въ себѣ какъ кажется повсемѣстно значительныя залежи каменнаго угля; онѣ какъ бы покоятся на огромномъ угольномъ пластѣ.

За Баяндаемъ мы проѣхали чрезъ полосу посѣвныхъ полей и вскорѣ копыта нашихъ лошадей застучали по каменистой извилистой дорогѣ, подымающейся на холмы; выше мѣстность принимаетъ характеръ поросшаго травой плоскогорья, по которому разбросаны конусы отдѣльныхъ вершинъ; въ одномъ изъ холмовъ показали мнѣ пещеру, наполненную горячимъ воздухомъ, выходящимъ изъ земли, такъ-называемый *арасанъ* или *арашанъ*, * въ которомъ туземцы

---

* Арасаны встрѣчаются и во многихъ другихъ мѣстахъ.

пользуются отъ различныхъ недуговъ, а въ непосредственномъ сосѣдствѣ его желѣзные рудники, когда-то разробатывавшіеся Китайцами.

Горки небольшихъ фіолетовыхъ кусочковъ руды лежатъ теперь безъ употребленія; тутъ же видна большая камера, вырытая въ землѣ, гдѣ производилась выплавка металла при постоянномъ токѣ воздуха снизу; рядомъ видны остатки кузницы.

Недалеко отъ этого мѣста я увидѣлъ жалкую хижину, прислоненную къ горѣ, предъ ней нѣсколько грядокъ съ овощами. Заинтересовавшись обитателями лачужки, затерявшейся въ горахъ, я слѣзъ съ лошади и вошелъ въ это несчастное жилище. Какъ же я былъ удивленъ, увидавъ предъ собой молодую Китаянку, одѣтую въ самое невозможное рубище, и при этомъ съ крошечными ножками, какія могутъ имѣть женщины зажиточныхъ семей которымъ нѣтъ надобности въ большой ходьбѣ. Изъ грязнаго закопченаго угла выглянула старуха, но на обыкновенныхъ ногахъ; въ сторонѣ стоялъ худой старикъ, котораго я сначала не примѣтилъ. Все населеніе хижины казалось сильно встревоженнымъ, а можетъ-быть и испуганнымъ нашимъ непрошеннымъ посѣщеніемъ. Нѣсколько ласковыхъ фразъ ободрили Китайца, онъ осклабился, показавъ беззубыя десна и заторопился предложить гостямъ свою трубочку.

Изъ разспросовъ оказалось что этотъ бѣднякъ добываетъ изъ какой-то почвы нашатырь; я заглянулъ въ стоящіе тутъ же два чана; въ нихъ была грязная жижа и я не понялъ, какимъ путемъ достаетъ онъ свой товаръ. Этотъ несчастный каждую недѣлю возитъ нашатырь въ городъ и на крошечныя деньги выручаемыя имъ содержитъ свою семью. Кѣмъ онъ былъ прежде, не знаю, но маленькія ножки молодой Китаянки невольно заставляютъ вспомнить о возстаніи Дунганъ. Не спасъ ли этотъ Китаецъ свою семью въ этихъ горахъ отъ ножа инсургентовъ? Можетъ-быть онъ былъ когда-то зажиточнымъ горожаниномъ, а теперь одичалъ и туго понимаетъ что̀ ему говорятъ.

Дорога наша стала подыматься круче; съ обѣихъ сторонъ, въ откосахъ и обрывахъ холмовъ, виднѣлись дыры неправильной формы, весьма похожія на большія норы; это входы въ шахты, ведущія къ залежамъ каменнаго угля.

Съ перваго взгляда трудно себѣ представить чтобы чело-

381

вѣкъ могъ пролѣзть въ такую нору. Отсюда мы поѣхали уже площадью поросшею травой; верстахъ въ пяти отъ насъ виднѣлась вершина къ которой мы направлялись. Это большой холмъ, по которому пришлось взбираться очень узкимъ и крутымъ ущельемъ; мы остановились недалеко отъ вершины холма, на небольшой каменистой площадкѣ, и увидѣли въ землѣ четыре округлыя отверстія, изъ которыхъ съ шумомъ вырывался горячій воздухъ, безъ дыма, съ характернымъ, хотя весьма слабымъ, запахомъ горящаго каменнаго угля. Съ этого мѣста было видно что ущелье по которому мы поднялись раздѣляется довольно острымъ гребнемъ на два лога; площадка съ отверстіями расположена на самомъ гребнѣ. Отъ нея по осыпающемуся подъ ногами склону холма ведетъ тропинка въ другой (правый) логъ, на днѣ котораго почва горяча, а подлѣ почти отвѣсной стѣны холма видны раскаленные камни надъ которыми бѣгаютъ языки пламени. Прилегающая стѣна черна, что̀ показываетъ что по временамъ подымается дымъ и копоть. Разказываютъ что Китайцы приготовляли здѣсь порохъ, доставая сѣру изъ почвы собранной со склоновъ этого ущелья и что будто бы для выплавки сѣры служили вмѣсто печей уломянутыя отверстія съ горячимъ воздухомъ. Не знаю насколько это справедливо, но что эти дыры служили для какой-нибудь цѣли, несомнѣнно; это видно изъ того что онѣ обложены кругомъ гладкими камнями. Почва вокругъ описаннаго мѣста до того вывѣтрилась и перегорѣла отъ постояннаго притока теплоты снизу что разсыпается даже при легкомъ прикосновеніи; образцы этой почвы и шлаковъ взятые на мѣстѣ я передалъ для анализовъ въ Ташкентскую химическую лабораторію. Самая вершина холма точно такая же какъ и вершины другихъ конусовъ этой мѣстности; она состоитъ изъ красной, если не ошибаюсь, охристой глины, съ прослойками черныхъ углистыхъ глинъ; эта окраска придаетъ яркій красивый видъ описываемымъ холмамъ. Мѣстность же окружающая нагрѣваемыя части горы (тутъ не лежитъ снѣгъ зимою) весьма уныла, вслѣдствіе полнѣйшаго отсутствія растительности; сѣрая глина съ горною галькой, вотъ все что̀ встрѣчаетъ здѣсь глазъ, а немного ниже по ущелью подымаются стройные кусты горныхъ травъ и цвѣтутъ иммортели. Спускаясь я замѣтилъ что во многихъ мѣстахъ въ стѣнахъ видны дыры непра-

382

вильной формы; изъ нихъ въ прежнія времена вѣроятно также дулъ горячій воздухъ, потому что почва здѣсь тоже крайне разсыпчата. Горитъ эта гора, по словамъ мѣстныхъ жителей, уже около 100 лѣтъ. Недалеко отъ описаннаго холма находятся горящія копи каменнаго угля, оставленныя лѣтъ 35 тому назадъ. Есть и еще примѣры вспыхнувшихъ копей и обиліе таковыхъ заставляетъ предполагать что кульджинскій уголь загорается самъ собою, хотя и приписываютъ эти пожары небрежности рабочихъ.

Говорятъ что въ сторонѣ Урумчи есть несравненно бо́льшая гора съ пламенемъ, зарево котораго видно на далекое растояніе; надо полагать что и этотъ „вулканъ“ получаетъ свое пламя отъ каменнаго угля.

Холмы о которыхъ шла рѣчь богаты порослями Kochia arenaria и здѣсь попадались коконы дикаго шелкопряда; кромѣ того тутъ встрѣчались нѣсколько горныхъ формъ перепончатокрылыхъ, очень крупныя породы, и во множествѣ каменьщики (Saxicolae).

Горы окружающія верхне-Илійскую долину весьма богаты металлами, изъ которыхъ, понятно, главное вниманіе останавливаютъ на себѣ розсыпи золота. Теперь извѣстны многія мѣсторожденія разрабатывавшіяся прежде Китайцами, а также и новыя; какъ во всѣхъ новыхъ мѣстахъ, появилась и здѣсь „золотая горячка“, но не слыхать еще чтобы началъ обогащаться кто-нибудь изъ эксплуататоровъ. Насколько выгодна разработка золота въ этихъ мѣстахъ и насколько богаты розсыпи, покажетъ время; покуда мы знаемъ что золото разсыпано по верховьямъ множества горныхъ рѣкъ, но остается вопросъ, какъ великъ процентъ содержащагося въ нихъ металла и какъ обширны границы каждой розсыпи.

А. ВИЛЬКИНСЪ.

Ташкентъ
8 февраля 1876